

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научное периодическое издание

**№ 4
(октябрь-декабрь)
2025 год**



Учредитель: доктор юридических наук, профессор Грудцына Л.Ю.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал выходит с 2025 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-54664 от 9 июля 2013 г.)

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.
Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://academic.law-books.ru>

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научное периодическое издание

Научно-правовой журнал «Международный академический журнал» - ежеквартальное научно-правовое сетевое издание, посвященное теоретическим и практическим проблемам конституционного (государственного) права, гражданского права, международного права, международного правотворчества, изучению проблем теории и истории государства и права, актуальным вопросам государственно-правовых наук, а также обязательственному и корпоративному праву, вопросам взаимодействия международного публичного и международного частного права.

Главный редактор: Сангаджиев Бадма Владимирович

Первый заместитель главного редактора

(координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Научные специальности журнала:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Scientific specialties of the journal:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2. Public law (state-legal) sciences.
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.5. International legal sciences.

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-периодическое издание «Международный академический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

- **Арройо Эна Россьо Карнеро**— Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо
- **Безерра Феликс Валуа Гуара**— Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
- **Велиев Исахан Вейсал оглы**— доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
- **Деян Вучетич**— доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- **Джун Гуан**— проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- **Лай Дешенг**— проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- **Марек Вочозка**— проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
- **Нематов Акмал Рауфджонович**— доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
- **Она Гражина Ракаускиене**— проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
- **Предраг Димитриевич**— доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- **Тепман Леонид Наумович**— доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
- **Чирич Александр**— доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL

• **Arroyo Ena Rosio Carnero** — Ph.D., Professor (Peru), Head of the Department of Political and Public Legal Sciences, Faculty of Law, National University of Trujillo

• **Bezerra Félix Valois Guara** — Juris Doctor (Brazil), Director of Strategic Programs and Activities of the Secretariat for the Planning and Modernization of Public Administration of the State of Tocantins

• **Veliyev Isakhan Veysal oglu** — Doctor of Law, Professor (Republic of Azerbaijan)

• **Dejan Vucetich** — Doctor of Law, Associate Professor, Department of Public Legal Sciences, Faculty of Law, University of Niš (Serbia)

• **Jun Guang** — Professor, Deputy Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

• **Lai Desheng** — prof., Dean, Institute of Economics and Business Administration, Peking University of Technology (China)

• **Marek Vochozka** — Professor, Rector of the Institute of Technology and Business of the Higher School of Technology and Economics (Czech Republic)

• **Nematov Akmal Raufdzhonovich** — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

• **Ona Gražina Rakauskienė** — Professor, Mykolas Romeris University (Lithuania)

• **Predrag Dimitrijevic** — Doctor of Law, Professor of Administrative Law, Dean of the Faculty of Law, University of Niš (Serbia)

• **Tepman Leonid Naumovich** — Doctor of Economics, Professor (House of Scientists of Haifa. Israel)

• **Čirić Aleksandar** — Doctor of Law, Professor of International Trade Law, Head of the Department of Trade Law, Faculty of Law, University of Niš (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

• **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

• **А.П. Галоганов** — доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

• **В.Н. Жуков** — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

• **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

• **В.В. Комарова** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

• **Г.Б. Мирзоев** — доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

• **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

• **Н.К. Потоцкий** — доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

• **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

• **Б.С. Эбзеев** — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

• **Н.Д. Эриашвили** — доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

• **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

• **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

• **V.N. Zhukov** — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

• **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University

• **V.V. Komarova** — Doctor of Jurisprudence, Professor managing Deepartment of the Constitutional and Municipal Right of the Russian Federation of the Moscow State Legal University of O.E. Kutafin (MSAL)

• **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

• **N.K. Pototsky** — Doctor of Law, Professor, Professor of the A.S. Gribodov Institute of International Law and Economics

• **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

• **B.S. Ebzeev** — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia

• **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Е.В. Алферова** — кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН

- **Е.Г. Багреева** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

- **А.В. Барков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

- **Н.И. Беседкина** — кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

- **Е.В. Богданов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.

- **О.Н. Булаков** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

- **Е.В. Воевода** — доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

- **А.В. Гаврилин** — доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой

- **М.А. Гончаров** — доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **С.А. Гримальская** — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

- **И.В. Дойников** — доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

- **А.А. Дорская** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

- **В.Б. Исраелян** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции

Московского городского университета управления Правительства Москвы, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

• **А.С. Кагосян** — доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ

• **Р.А. Каламкарян** — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

• **Н.В. Кроткова** — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»

• **З.И. Курцева** — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института философии Московского педагогического государственного университета

• **А.Н. Левушкин** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.

• **В.С. Меськов** — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

• **А.Х. Миндагулов** — доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

• **В.О. Миронов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

• **Ю.В. Николаева** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

• **А.В. Рогова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

• **Б.В. Сангаджиев** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

• **Н.В. Семенова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

• **А.Б. Синельников** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

• **Д.П. Стригунова** — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

• **В.Н. Ткачев** — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

- **Н.Е. Толстая** — доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института
- **А.Г. Тюриков** — доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **М.С. Халиков** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- **Х.С. Шагбанова** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член–корреспондент РАЕН
- **Г.Г. Шинкарецкая** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

First Deputy Chief Editor: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **V.B. Ryzhov**, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

• **E.V. Alferova** — Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Law of the Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

• **E.G. Bagreeva** — Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

• **A.V. Barkov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

• **N.I. Besedkina** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation

• **E.V. Bogdanov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

• **O.N. Bulakov** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Human

• **E.V. Voevoda** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor of the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

• **A.V. Gavrilin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the APSN, Head of the Department of Theory and Methods of Education of the Vladimir Institute for the Development of Education named after L.I. Novikova

• **M.A. Goncharov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute «Higher School of Education,» Professor of the Department of Pedagogy of the Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University

• **S.A. Grimalskaya** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

• **I.V. Doinikov** — Doctor of Law, Professor, Professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government

• **A.A. Dorskaya** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

• **V.B. Israelyan** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government, Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

• **A.S. Kagosyan** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Academic College of the International Innovation University (Sochi), Honorary Worker of Secondary Professional Education of the Russian Federation

• **R.A. Kalamkaryan** — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian University of Peoples' Friendship

• **N.V. Krotkova** — Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher in the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-chief of the journal «State and Law»

• **Z.I. Kurtseva** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Rhetoric and the Standard of Speech of Institute of philosophy of the Moscow pedagogical state university

• **A.N. Levushkin** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice

• **V.S. Meskov** — Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University

• **A.Kh. Mindagulov** — Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan)

• **V.O. Mironov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Customs Management of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

• **Yu.V. Nikolaeva** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation

• **A.V. Rogova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Psychological and Pedagogical Faculty of Transbaikal State University, member of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Institute of Theory and History of Pedagogy RAO, Honored Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education

• **B.V. Sangadzhiev** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

• **N.V. Semenova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Pedagogical Institute of Pacific State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

• **A.B. Sinelnikov** — Doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology of the family and demography, sociological faculty, Lomonosov Moscow State University

• **D.P. Strigunova** — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

• **V.N. Tkachev** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

• **N.E. Tolstaya** — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Rector of the Sergiev Posad Humanitarian Institute

• **A.G. Tyurikov** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of sociology, FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

• **M.S. Khalikov** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management, Institute of Public Service and Management, Russian Academy of National Economy and Public Service

• **H.S. Shagbanova** — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies

of the Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

• **G.G. Shinkaretskaya** — Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Автор научной статьи (студент, аспирант, адъюнкт) представляет оформленную рецензию (отзыв) научного руководителя/консультанта, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по возможному улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 рабочих дней с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия может направить по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 2 лет.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

PROCEDURE FOR PEER REVIEW OF SCIENTIFIC ARTICLES

1. The author of the scientific article (student, graduate student, adjunct) submits a completed review (review) of the supervisor/consultant containing the recommendation of the article for publication in the journal, or provides an extract from the decision of the department (scientific unit) where the work was performed containing the recommendation of the article for publication in the journal.

2. The review should contain a qualified analysis of the article material, an objective and reasoned assessment of its material and reasonable recommendations for possible improvement in the quality of the submitted work. The reviewer evaluates the main advantages and disadvantages of the manuscript of the article, guided by the following criteria: compliance of the content of the article with the profile of the journal, relevance of the selected topic, scientific and methodological level, use of the necessary research methods, novelty and originality of the main points and conclusions, practical usefulness.

3. The scientific article submitted by the author is reviewed by an expert of the editorial board of the journal (doctor, candidate of science) in the form of an expert questionnaire approved by the editorial board. The examination is of a closed nature, the review in the form of an expert questionnaire is provided to the author of the article at his written request, as well as at the appropriate request to the Higher Attestation Commission, without a signature and indicating the name, position, place of work of the reviewer.

4. The deadline for preparing a review by an expert of the editorial board of the journal is established in agreement with the reviewer, but cannot exceed 5 working days from the date of receipt of the manuscript by the reviewer. The reviewer has the right to refuse to review within one week from the date of receipt of the manuscript to him and notify the editorial board of the journal.

5. The final decision to accept the author's article and place it in one of the issues of the journal is made at a meeting of the editorial board of the journal or by the editor-in-chief of the journal.

6. Based on the results of the review, the following decisions can be made:

a) recommend that the manuscript be accepted for publication;

b) recommend that the manuscript be accepted for publication with technical amendments;

c) recommend that the manuscript be accepted for publication after the author (s) have eliminated the reviewer's comments, followed by sending for re-review to the same reviewer (when recommending the reduction or revision of the manuscript, the article in the review specifically indicates how the manuscript should be reduced, what should be corrected in it to help the author (s) in further work on the manuscript). If the author (s) did not eliminate the reviewer's comments, the editorial board of the Journal has the right to refuse to publish the manuscript with a reasoned refusal to the author (s);

d) recommend refusing to publish the manuscript due to its non-compliance with the requirements for the scientific level (in this case, the editorial board of the Journal has the right to send the manuscript for review to another reviewer or send the author (s) a reasoned refusal to publish the manuscript, with a copy of the negative review attached).

7. The editorial board informs about the decision of the author at his request. The editorial board may send a reasoned refusal to the author of an article that has not been accepted for publication.

8. The editorial board reviews all materials received by the editorial board that correspond to its topics for the purpose of their expert assessment.

9. All reviewers are recognized specialists in the subject of peer-reviewed materials and have published on the subject of a peer-reviewed article over the past 3 years. Reviews are kept in the publishing house and in the editorial office of the publication for 2 years.

10. The publication of the submitted material is carried out in accordance with the editorial work plan, taking into account the need to form different headings in each issue of the journal and ensure funding for the issue of the journal.

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
- МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
- ТРУДОВОЕ ПРАВО
- ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES
- HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA
- INTERNATIONAL RELATIONS
- INTERNATIONAL PUBLIC LAW
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- METHODOLOGY AND HISTORY OF LEGAL SCIENCE
- MODERNIZATION OF EDUCATION
- CIVIL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- ADMINISTRATIVE LAW
- POLICY AND LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- HUMAN RIGHTS
- LAW FORMATION AND LAW CREATION
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF LEGAL THEORY
- PUBLIC LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONTROL THEORY
- YOUNG SCIENTIST TRIBUNE
- EMPLOYMENT LAW
- INTERPRETATION OF LAW
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Грудцина Л.Ю. * Дуализм публичного и частного права в правопорядках Италии и Испании: доктринальная эволюция и современное состояние 19

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Пазов И.С. * История становления сельского хозяйства Нальчикского округа на основе статистических данных в начале XX века 26

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Милкина Н.А. * Отдельные вопросы защиты прав несовершеннолетних в практике Международного уголовного суда 30

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Фасхутдинова С.М., Зайнуллин А.И. * Конституционные ценности как основа функционирования гражданского общества в России 34

Дробышев А.А., Скопцов Н.А. * Правовые проблемы утраты статуса Президента Российской Федерации 38

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Евгнова А.А., Чекрыжов А.В. * Цифровое государство как этап развития правовой цифровой среды 42

Куршев А.Х. * Экстремизм и терроризм как существенная угроза стабильному функционированию государства и обеспечению общественной безопасности и правопорядка 46

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Хвостова Е.А. * Роль прокуратуры в обеспечении гражданского общества 49

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дубовихин Д.Б. * Оптимизация правового регулирования взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления 54

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ялышева А.В. * Квалификация разбоя в системе форм хищения: теоретические и практические проблемы 58

Шишинёв Д.Ю. * Предупреждение преступлений органами внутренних дел на объектах транспорта 62

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Чигарев Б.А. * Папоцезаризм и цезаропапизм как факторы цивилизационного генезиса 66

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Ермакова А.Д.* Технология синквейн как средство формирования связной речи у старших дошкольников с ТНР 70

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Ардавов М.М., Махова А.А. * Криминалистические и правовые аспекты расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства 74

CONTENT:

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

- Grudtsyna L.Yu. * Dualism of public and private law in the legal systems of Italy and Spain: doctrinal evolution and current state 19

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

- Pazov I.S. * The history of the development of agriculture in the Nalchik district based on statistical data at the beginning of the 20th century 26

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

- Milkina N.A. * Selected issues of protection of the rights of minors in the practice of the International Criminal Court 30

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

- Fashutdinova S.M., Zaynullin A.I. * Constitutional values as the basis for the functioning of civil society in Russia 34

- Drobyshev A.A., Skoptsov N.A. * Legal issues of loss of the status of the president of the Russian Federation 38

POLITICS AND LAW

- Evgenova A.A., Chekryzhov A.V. * Digital state as a stage in the development of the legal digital environment 42

- Kurshev A.H. * Extremism and terrorism as a significant threat to the stable functioning of the state and the provision of public safety and law and order 46

HUMAN RIGHTS

- Khvostova E.A. * The role of the prosecutor's office in supporting civil society 49

LAW EDUCATION AND LAW-MAKING

- Dubovikhin D.B. * Optimization of legal regulation of interaction of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level with local self-government bodies 54

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

- Yalysheva A.V. * Qualification of robbery in the system of forms of theft: theoretical and practical problems 58

- Shishnev D.Yu. * Crime prevention by internal affairs agencies at transport facilities 62

CONTROL THEORY

- Chigarev B.A. * Papocesarism and caesaropapism as factors of civilizational genesis 66

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

- Ermakova A.D. * Cinquain technology as a means of forming coherent speech in older preschoolers with TNR 70

INTERPRETATION OF LAW

- Ardavov M.M., Makhova A.A. * Forensic and legal aspects of investigating thefts in the housing and utilities sector 74

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.11.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-19-25

Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

*ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ВГУЮ (РПА Минюста России),
Председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России,
арбитр Арбитражного центра при РСПП, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru
ORCID 0000-0001-7731-724X*

ДУАЛИЗМ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА В ПРАВОПОРЯДКАХ ИТАЛИИ И ИСПАНИИ: ДОКТРИНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу дуализма публичного и частного права в правопорядках Италии и Испании. Показано, что в обоих национальных континентальных системах классическое деление на публичное и частное право сохраняет значение исходной схемы юридической классификации, однако в современной доктрине все отчётливее рассматривается как исторически обусловленная и методологическая конструкция, а не как «естественный» разрез правовой реальности. На материале итальянских исследований о «большой дихотомии» (*grande dicotomia*) между публичным и частным правом и испанской дискуссии о «проникновении публичного права в частное» и сукcesсивной интеграции публичного и частного начал в рамках конституционного правопорядка демонстрируется сходство тенденций и различие акцентов. Делается вывод о том, что в Италии и Испании дуализм публичного и частного права сохраняется как важный элемент юридической догматики и академической организации знаний, но всё более функционирует как гибкий аналитический инструмент, позволяющий описывать сложные гибридные режимы регулирования.

Ключевые слова: публичное право, частное право, дуализм права, континентальное право, право Испании, право Италии, *grande dicotomia*.

*GRUDTSYNA Lyudmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of Constitutional and International Law
VSUJ (RPA Ministry of Justice of Russia),
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia,
Arbitrator of the Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
expert of the Russian Academy of Sciences*

DUALISM OF PUBLIC AND PRIVATE LAW IN THE LEGAL ORDERS OF ITALIA AND SPANISH: DOCTRINAL EVOLUTION AND CURRENT STATE

Annotation. This article provides a comparative analysis of the dualism of public and private law in the legal systems of Italy and Spain. It is demonstrated that in both national continental systems, the classical division between public and private law retains its significance as the original framework of legal classification. However, in contemporary doctrine, it is increasingly viewed as a historically conditioned and methodological construct rather than a «natural» cross-section of legal reality. Using Italian studies on the «grand dichotomy»

(grande dicotomia) between public and private law and Spanish discussions on the «penetration of public law into private law» and the successful integration of public and private principles within the constitutional legal order; similarities in trends and differences in emphasis are demonstrated. It is concluded that in Italy and Spain, the dualism of public and private law remains an important element of legal dogma and the academic organization of knowledge, but increasingly functions as a flexible analytical tool for describing complex hybrid regulatory regimes.

Key words: *public law, private law, dualism of law, continental law, Spanish law, Italian law, grande dicotomia.*

Введение в проблематику

Деление права на публичное и частное традиционно рассматривается как один из базовых принципов континентальной правовой традиции. Исторически именно в странах «романо-католического» ареала – включая Италию и Испанию – формировались кодифицированные системы частного права, на фоне которых публичное право развивалось и институционализировалось как особый полюс регулирования [1]. Современная европейская доктрина при этом все чаще говорит о «кризисе» или «упадке» классической дихотомии, подчеркивая историчность, вариативность и относительный характер границы между публичным и частным правом.

В итальянской литературе закрепился образ *grande dicotomia* – «большой дихотомии» – как одной из ключевых опор новоевропейского правового мышления, чья траектория включает фазу становления, апогей и последующую «нисходящую ветвь» [2]. В испанской доктрине, напротив, сильнее акцентируется идея постепенной интеграции публичного и частного права в рамках конституционного правопорядка и «проникновения» публично-правовых требований в традиционно частноправовые институты [3].

На этом фоне у правопорядков Италии и Испании схожие исторические траектории кодификации, сходная роль Гражданского кодекса как ядра частного права и параллельное развитие административного права вне кодификационных структур, но при этом – различные модели политico-конституционного развития и разная конфигурация дискуссий о дуализме публичного и частного права.

Цель настоящей статьи – выявить особенности доктринального понимания дуализма публичного и частного права в Италии и Испании и показать, каким образом современные национальные дискуссии трансформируют классическую схему деления права на *ius publicum* и *ius privatum*.

Методологическая работа опирается на сравнительно-правовой, историко-правовой и доктринальный анализ. Используются современные итальянские исследования о «большой дихотомии» и историчности разделения публичного и частного

права (U. Cerroni, B. Sordi, G. A. Benacchio [4], I. Puppolizio [5] и др.) [6], а также испанские научные работы о критериях различия и кризисе дуализма публичного и частного права (J. Fajardo-Fernández, F. López-Jurado, J. M. Chico y Ortiz, M. L. Balaguer Callejón и др.) [5].

Итак, в итальянском правопорядке, как и в других странах континентального права, Гражданский кодекс (*Codice civile*) выступил ядром частного права, тогда как публичное право (конституционное, административное, финансовое) формировалось преимущественно через специальные законы и судебную практику [7]. Именно в этом контексте в итальянской теории права закрепляется представление о различии между публичным и частным правом как о «большой дихотомии», структурирующей сознание юристов и академическую карту дисциплин. Бернардо Сорди в работе «*Diritto pubblico e diritto privato. Una genealogia storica*» показывает, что чёткое противопоставление публичного и частного права – результат длительного исторического процесса, связанного с конституированием современного государства и утверждением кодифицированного частного права как пространства юридического индивидуализма [8].

В классической догме различие проводится по нескольким линиям:

1) по объекту и интересу – публичное право выражает публичные интересы (*interessi pubblici*) и организацию публичной власти, частное – интересы частных субъектов;

2) по субъекту – публичное право регулирует деятельность государства и публичных образований (*Stato ed enti pubblici*), частное – отношения между частными лицами;

3) по режиму власти – публичное право связано с осуществлением публичных полномочий (*pubblici poteri*), предполагающих возможность одностороннего вмешательства в правовую сферу частного лица, тогда как частное право основано на формальном равенстве участников [9].

Развитие административной юстиции (TAR, *Consiglio di Stato*) дополнительно институционализировало противопоставление: споры, затрагивающие осуществление публичных полномочий администрацией, подведомственны администра-

тивным судам, тогда как споры между частными лицами – судам общей юрисдикции.

Историчность и «нисходящая ветвь» дихотомии

Важный поворот итальянской дискуссии связан с признанием историчности и относительного характера разграничения публичного и частного права. Уже Умберто Черрони в программной статье «Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico» подчёркивал, что данное деление является продуктом определённой фазы развития буржуазного правопорядка, а не универсальной схемой для всех времен [10].

Современные работы, такие как коллективный том «Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato» и исследование «Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici», развивают эту линию: во-первых, подчеркивается, что «большая дихотомия» – не онтологический, а теоретический разрез, чья полезность зависит от контекста; во-вторых, демонстрируется, как на протяжении XX века происходит взаимное «проникновение» публичного и частного: публичное право активно использует частноправовые формы (договор, корпорация, ответственность), а частное право все больше насыщается публично-правовыми ограничениями и целями (защита слабой стороны, интересы потребителей, прав человека) [11].

С этой точки зрения, итальянская доктрина говорит скорее о «нисходящей ветви» дихотомии: она не исчезает, но ее «объяснятельная» сила уменьшается, а значимость приобретает анализ конкретных режимов регулирования и конфигураций интересов, которые нередко оказываются «смешанными».

Публичное право, частные субъекты и гибридные режимы

Особую роль в «размывании» границы pubblico/privato играют явления осуществления публичных функций частными субъектами и широкое использование частноправовых инструментов в административной деятельности (так называемая *attività amministrativa di diritto privato*) [12].

Современные исследования итальянских ученых (например, Pupolizio I., Della Cananea G.) показывают, что частноправовые организации могут действовать как носители публичных функций (концессионеры, управляющие компании, частные поставщики публичных услуг), что ведёт к наложению публичного режима ответственности и контроля на частную основу их статуса; публичные субъекты (государство, муниципалитеты) активно используют частноправовые формы

(корпорации, фонды, контракты) для достижения публичных целей, из-за чего общий гражданско-правовой режим наполняется публично-правовыми оговорками и «особым правом государства» [8].

Итогом становится не исчезновение дуализма, а его встраивание во внутреннюю структуру институтов: один и тот же нормативный комплекс может включать слои публичного и частного регулирования, а вопрос о «природе» нормы решается в конкретном функциональном контексте.

Дуализм в испанской правовой системе

В испанской правовой системе дуализм *derecho público / derecho privado* формировался в рамках той же континентальной матрицы: гражданский кодекс 1889 г. кодифицировал общую часть частного права, тогда как административное, конституционное и финансовое право развивались через специальные законы и судебную практику [1].

Классическое определение опирается на известную формулу: частное право регулирует отношения между частными лицами, находящимися в положении юридического равенства; публичное право регулирует отношения, в которых участвует публичный субъект (государство, автономное сообщество, местная корпорация), действующий как носитель публичной власти, а также внутренние отношения в системе публичных органов [13].

Вместе с тем, как показывает Х. Фахардо-Фернандес в статье «Derecho público y Derecho privado. Los cinco sentidos de una distinción», испанская доктрина все более осознаёт полисемию самой дихотомии: различие *public/private* может пониматься как критерий классификации отраслей, как способ описания типов отношений, как характеристика юридического режима, как индикатор степени вмешательства государства и т.д. [14] Это означает, что в современном дискурсе речь идет не о единой «жесткой» границе, а о наборе пересекающихся линий разграничения.

С принятием Конституции 1978 г. испанская правовая система получила сильный импульс конституционализации частного права и усиления публично-правового измерения традиционно частных институтов. М. Л. Балагер Кальехон, анализируя взаимодействие Конституции и юридического порядка, подчёркивает тенденцию к интеграции публичного и частного права в рамках единой конституционной матрицы, в которой фундаментальные права и принципы постепенно «проникают» в частноправовые отношения [15].

Эту линию развивает и классическая статья Х. М. Чико и Ортиса «La penetración del Derecho público en el privado: su reflejo constitucional y la

repercusión en el Registro de la Propiedad». Автор показывает, как публично-правовые ограничения и требования (например, в сфере градостроительства, охраны окружающей среды, культурного наследия) постепенно насыщают режим частной собственности и операций с недвижимостью, превращая гражданский оборот в пространство постоянного взаимодействия публичных и частных начал [16]. В результате, на наш взгляд, все труднее говорить о «чистом» частном праве, не затронутом публичными интересами и конституционными требованиями.

«Размытие» границ частного и публичного права, применимость частного права в административном праве

Отдельный аспект, демонстрирующий размытие границы между публичным и частным, связан с доктриной суплерорного применения гражданского права к административным отношениям в Испании. В испанской практике вопрос о том, в какой мере нормы Гражданского кодекса применимы к административным договорам и иным публично-правовым отношениям, стал предметом длительных дискуссий как в науке, так и в судебной практике [17].

Решения Верховного суда и доктринальные комментарии подчеркивают, что гражданское право не может применяться к административным отношениям «автоматически», поскольку административное право имеет собственную телеологию – сочетание защиты прав частных лиц и достижения публичных интересов. Вместе с тем, при отсутствии специального регулирования нормы частного права используются субсидиарно, что создает гибридные режимы, в которых административные конструкции (например, градостроительные соглашения, публичные контракты) подпитываются частноправовыми институтами (договор, ответственность, неосновательное обогащение).

Тем самым испанская система демонстрирует двустороннее движение: публичное право проникает в частное через конституционные ограничения и публичные интересы, а частное – в публичное через субсидиарное применение и заимствование частноправовых конструкций.

Дихотомия частного и публичного права Италии и Испании

Во-первых, оба правопорядка развиваются в логике кодифицированного частного права и фрагментарно организованного публичного права, что исторически усиливает дихотомию между «автономным» гражданским кодексом и «многообразием» публично-правовых режимов.

Во-вторых, и итальянская, и испанская доктрина подчеркивают, что различие между публичным и частным правом – продукт определенной исторической конфигурации (национальное государство и кодификация частного права), а не универсальный закон юридического мышления. В Италии эта линия подробно разработана в работах U. Cerroni [18], B. Sordi, G. A. Benacchio [19]; в Испании – в исследованиях, посвящённых эволюции конституционного правопорядка и преодолению жёсткого представления о праве как исключительно «частном» или «репрессивном».

В-третьих, в обоих правопорядках наблюдается широкое использование частноправовых форм в публичной деятельности (публично-частные партнёрства, корпоративные структуры с участием государства, административные договоры) и постепенное насыщение частного права публично-правовыми целями и ограничениями (защита слабой стороны, конституционные права, социальные функции собственности и т.п.) [20].

При внешнем сходстве траекторий развития и взаимодействия частного и публичного права в Италии и Испании, имеются важные различия в правовых и законодательных акцентах.

В правовой науке Италии сделан акцент на теоретической модели «большой дихотомии». Итальянская дискуссия сильнее ориентирована на теоретико-генеалогический анализ самой дихотомии. Работы B. Sordi, I. Pupolizio и др. детально реконструируют историческую траекторию противопоставления pubblico/privato как «большой дихотомии» западного правового мышления, фиксируя стадии её возвышения и «книходящей ветви».

В Испании акцент делается на конституционализации и функциональной интеграции. Это означает, что испанская доктрина, при сохранении классического различия derecho público/derecho privado, больше внимания уделяет конституционализации и функциональной интеграции публичного и частного права в рамках единого конституционного порядка (особенно после 1978 г.), а также анализу конкретных механизмов «проникновения» публичного права в частное (например, в режим собственности и регистрации) [21].

Роль судебных структур в Испании и Италии также различается. В обеих правовых системах существуют специализированные административные юрисдикции, однако в Испании особое значение приобретает роль Конституционного суда в конституционализации частного права и «перекладывании» публично-правовых аргументов в сферу частноправовых споров, тогда как в Италии дискуссия в большей степени сосредоточена во-

круг взаимодействия общей и административной юстиции в рамках единой судебной системы и гибридности статуса частных субъектов, осуществляющих публичные функции [22].

Дуализм публичного и частного права в правопорядках Италии и Испании сохраняет значимую, но изменившуюся роль. Классическая картина, в рамках которой публичное право регулировало деятельность государства и публичных образований, а частное – отношения между частными лицами, в обоих случаях подверглась существенной доктринальной переработке.

В Италии «большая дихотомия» всё чаще осмысливается как историческая и методологическая конструкция, полезная для общей картографии права, но недостаточная для описания сложных гибридных режимов регулирования. Итальянская доктрина концентрируется на генеалогии этой дихотомии и на анализе ее «выходящей ветви» в условиях взаимного проникновения публичного и частного права и появления множества смешанных институтов.

В Испании, хотя противопоставление *derecho público/derecho privado* сохраняется в учебной и судебной практике, на первый план выходит задача интеграции публичного и частного права внутри конституционного правопорядка: публичное право «входит» в частное через конституционные ограничения и публичные интересы, частное – в публичное через субсидиарное применение и заимствование частноправовых конструкций. Дихотомия при этом всё больше превращается в многоуровневую систему критериев, применимых в зависимости от института и контекста [23].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в итальянском правопорядке, как и в других странах континентального права, Гражданский кодекс (*Codice civile*) выступил ядром частного права, тогда как публичное право (конституционное, административное, финансовое) формировалось преимущественно через специальные законы и судебную практику [24]. Именно в этом контексте в итальянской теории права закрепляется представление о различии между публичным и частным правом как о «большой дихотомии», структурирующей сознание юристов и академическую карту дисциплин.

Во-вторых, при отсутствии специального регулирования нормы частного права в Испании используются субсидиарно, что создает гибридные режимы, в которых административные конструкции (например, градостроительные соглашения, публичные контракты) подпитываются частноправовыми институтами (договор, ответственность, неосновательное обогащение). Таким образом, испанская правовая система демонстрирует двустороннее движение: публичное право проникает в частное через конституционные ограничения и публичные интересы, а частное – в публичное через субсидиарное применение и заимствование частноправовых конструкций.

В-третьих, в национальных правопорядках Италии и Испании дуализм публичного и частного права перестает быть «жесткой» онтологической границей и превращается в гибкий аналитический инструмент, позволяющий описывать конфигурации властных полномочий, интересов и юридических режимов. При этом его сохранение в догматике и академической структуре права остается важным фактором воспроизведения юридической идентичности и методологии правового анализа.

Список литературы:

- [1] Della Cananea G. *Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune?* // *American Journal of Comparative Law*. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.
- [2] Sordi B. *Diritto pubblico e diritto privato. Una genealogia storica*. Bologna : Il Mulino, 2019.
- [3] Balaguer Callejón M. L. *Interpretación de la Constitución y ordenamiento jurídico*. Madrid : Centro de Estudios Políticos y Constitucionales (BOE), 2022.
- [4] Benacchio G. A. *Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato // Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato*. Collana «Quaderni». Vol. 24. Trento, 2016.
- [5] Pupolizio I. Coase, Hayek e la «grande dicotomia» tra diritto pubblico e diritto privato. Roma : Carocci, 2022.
- [6] Cerroni U. *Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico // Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1960. Vol. 37.
- [7] Della Cananea G. *Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune?* // *American Journal of Comparative Law*. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.
- [8] Sordi B. *Diritto pubblico e diritto privato. Una genealogia storica*. Bologna : Il Mulino, 2019.
- [9] Pupolizio I. Coase, Hayek e la «grande dicotomia» tra diritto pubblico e diritto privato. Roma : Carocci, 2022.

- [10] Cerroni U. *Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico* // *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1960. Vol. 37.
- [11] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.
- [12] Monteferrante L. *L'attività amministrativa di diritto privato* // *Le trasformazioni del diritto amministrativo. Scritti degli allievi per gli ottanta anni di M. S. Giannini*. Milano : Giuffrè, 1995.
- [13] García de Enterría E., Fernández T.-R. *Curso de Derecho Administrativo*. 15.^a ed. Madrid : Civitas, 1997.
- [14] Fajardo-Fernández J. *Derecho público y Derecho privado. Los cinco sentidos de una distinción* // *Revista de Derecho Público*. 1992. № ... P. 947–956.
- [15] Balaguer Callejón M. L. *Interpretación de la Constitución y ordenamiento jurídico*. Madrid : Centro de Estudios Políticos y Constitucionales (BOE), 2022.
- [16] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.
- [17] Campos P. B. *La cláusula de supletoriedad: una cuestión de perspectiva* // *Revista Española de Derecho Constitucional*. 2000. № 59. P. 29–72.
- [18] Cerroni U. *Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico* // *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1960. Vol. 37.
- [19] Benacchio G. A. *Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato* // *Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato. Collana «Quaderni»*. Vol. 24. Trento, 2016. 6.
- [20] Monteferrante L. *L'attività amministrativa di diritto privato* // *Le trasformazioni del diritto amministrativo. Scritti degli allievi per gli ottanta anni di M. S. Giannini*. Milano : Giuffrè, 1995.
- [21] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.
- [22] López-Jurado F. *Los criterios doctrinales de clasificación de las organizaciones administrativas* // *Revista de Derecho Público*. 2020. № ... P. 49–50.
- [23] Chico y Ortiz J. M. *La penetración del Derecho público en el privado: su reflejo constitucional y la repercusión en el Registro de la Propiedad* // *Revista Crítica de Derecho Inmobiliario*. 1982. Año 58. № 552. P. 1167–1188.
- [24] Della Cananea G. *Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune?* // *American Journal of Comparative Law*. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.

References:

- [1] Della Cananea G. *Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune?* // *American Journal of Comparative Law*. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.
- [2] Sordi B. *Diritto pubblico e diritto privato. Una genealogia storica*. Bologna : Il Mulino, 2019.
- [3] Balaguer Callejón M. L. *Interpretación de la Constitución y ordenamiento jurídico*. Madrid : Centro de Estudios Políticos y Constitucionales (BOE), 2022.
- [4] Benacchio G. A. *Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato* // *Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato. Collana «Quaderni»*. Vol. 24. Trento, 2016.
- [5] Pupolizio I. *Coase, Hayek e la «grande dicotomia» tra diritto pubblico e diritto privato*. Roma : Carocci, 2022.
- [6] Cerroni U. *Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico* // *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1960. Vol. 37.
- [7] Della Cananea G. *Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune?* // *American Journal of Comparative Law*. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.
- [8] Sordi B. *Diritto pubblico e diritto privato. Una genealogia storica*. Bologna : Il Mulino, 2019.
- [9] Pupolizio I. *Coase, Hayek e la «grande dicotomia» tra diritto pubblico e diritto privato*. Roma : Carocci, 2022.
- [10] Cerroni U. *Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico* // *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1960. Vol. 37.
- [11] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.
- [12] Monteferrante L. *L'attività amministrativa di diritto privato* // *Le trasformazioni del diritto amministrativo. Scritti degli allievi per gli ottanta anni di M. S. Giannini*. Milano : Giuffrè, 1995.
- [13] García de Enterría E., Fernández T.-R. *Curso de Derecho Administrativo*. 15.^a ed. Madrid : Civitas, 1997.
- [14] Fajardo-Fernández J. *Derecho público y Derecho privado. Los cinco sentidos de una distinción* //

Revista de Derecho Público. 1992. № ... P. 947–956.

[15] Balaguer Callejón M. L. *Interpretación de la Constitución y ordenamiento jurídico*. Madrid : Centro de Estudios Políticos y Constitucionales (BOE), 2022.

[16] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.

[17] Campos P. B. La cláusula de supletoriedad: una cuestión de perspectiva // Revista Española de Derecho Constitucional. 2000. № 59. P. 29–72.

[18] Cerroni U. Sulla storicità della distinzione tra diritto privato e diritto pubblico // Rivista internazionale di filosofia del diritto. 1960. Vol. 37.

[19] Benacchio G. A. Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato // Il declino della distinzione tra diritto pubblico e diritto privato. Collana «Quaderni». Vol. 24. Trento, 2016.

6.

[20] Monteferrante L. L'attività amministrativa di diritto privato // Le trasformazioni del diritto amministrativo. Scritti degli allievi per gli ottanta anni di M. S. Giannini. Milano : Giuffrè, 1995.

[21] Diritto privato e interessi generali. Profili storico-sistematici // JUSCIVILE. 2023. № 5.

[22] López-Jurado F. Los criterios doctrinales de clasificación de las organizaciones administrativas // Revista de Derecho Público. 2020. № ... P. 49-50.

[23] Chico y Ortiz J. M. La penetración del Derecho público en el privado: su reflejo constitucional y la repercusión en el Registro de la Propiedad // Revista Crítica de Derecho Inmobiliario. 1982. Año 58. № 552. P. 1167–1188.

[24] Della Cananea G. Administrative Procedure Acts in Europe: An Emerging European Ius Commune? // American Journal of Comparative Law. 2024. Vol. 72, № 2. P. 324–360.



ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-26-29

ПАЗОВ Ибрагим Станиславович,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: info@law-books.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НАЛЬЧИСКОГО ОКРУГА НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья представляет собой всесторонний анализ развития сельского хозяйства в Нальчикском округе в период с начала до середины XX века, освещая ключевые статистические данные и социально-экономические аспекты этого процесса. В центре исследования находятся количественные показатели аграрной деятельности, включая урожайность основных сельскохозяйственных культур (пшеница, кукуруза, картофель, овощи), продуктивность животноводческих ферм (коровы, овцы, свиньи) и динамику посевных площадей. Основная мысль статьи заключается в том, что успешное развитие сельского хозяйства в Нальчикском округе было обусловлено не только природными и климатическими условиями, но и изменениями в организации труда, внедрением новых технологий и реформами, проведенными в то время. Автор аргументирует, что переход от традиционного к современному сельскому хозяйству стал возможен благодаря интеграции статистических данных, которые позволили выявить ключевые тенденции и проблемы аграрного сектора. Структура статьи включает несколько ключевых разделов. Вначале осуществляется исторический контекст, описывающий предшествующие события и условия начала XX века. Далее происходит углубленный анализ статистики, касающейся производительности, площади сельскохозяйственных угодий и видов возделываемых культур. Заключительный раздел посвящён выводам о перспективностях аграрного развития региона на основе статистических данных, что подчеркивает значимость данного исследования для понимания не только местной, но и общей аграрной истории страны.

Таким образом, статья вносит значительный вклад в изучение истории сельского хозяйства Нальчикского округа, подчеркивая важность статистических данных как инструмента для анализа и понимания процессов, происходивших в аграрном секторе на ранних этапах его становления.

Ключевые слова: Нальчикский округ; сельское хозяйство; аграрный сектор; четверть; пуды; посевы; участок; урожай.

PAZOV Ibragim Stanislavovich ,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer; North Caucasus Institute
for Advanced Training of Employees of the
Ministry of Internal Affairs of Russia (branch)
Krasnadar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE HISTORY OF THE FORMATION OF AGRICULTURE IN NALCHIK DISTRICT BASED ON STATISTICAL DATA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Annotation. This article presents a comprehensive analysis of agricultural development in the Nalchik

District from the early to mid-20th century, highlighting key statistical data and socioeconomic aspects of this process. The study focuses on quantitative indicators of agricultural activity, including the yield of major crops (wheat, corn, potatoes, and vegetables), the productivity of livestock farms (cows, sheep, and pigs), and the dynamics of cultivated areas.

The article's main argument is that the successful development of agriculture in the Nalchik District was determined not only by natural and climatic conditions but also by changes in labor organization, the introduction of new technologies, and reforms implemented at the time. The author argues that the transition from traditional to modern agriculture was made possible by the integration of statistical data, which allowed for the identification of key trends and challenges in the agricultural sector. The article is structured in several key sections. First, a historical context is provided, describing the preceding events and conditions of the early 20th century. This is followed by an in-depth analysis of statistics related to productivity, agricultural land area, and crop types. The final section draws conclusions about the region's agricultural development prospects based on statistical data, highlighting the importance of this study for understanding not only the local but also the country's overall agricultural history.

Thus, this article makes a significant contribution to the study of the agricultural history of the Nalchik District, emphasizing the importance of statistical data as a tool for analyzing and understanding the processes occurring in the agricultural sector during its early stages of development.

Key words: Nalchik District; agriculture; agricultural sector; quarter; poods; crops; plot; harvest.

Вхождение России в конце XIX – начале XX веков в период модернизации способствовало акселерации экономического роста на периферийных территориях империи. Для Нальчикского округа данное обстоятельство имело принципиальное значение. Проникновение капиталистических отношений и интеграция края в общероссийскую систему рынка способствовали более быстрому росту экономики региона и его включению в единую экономическую структуру страны.

В начале XX века в Нальчикском округе продолжалось формирование целостного экономического пространства. В этом пространстве сосуществовали трансформирующиеся под воздействием российской модернизации институты традиционной экономической культуры коренного и пришлого населения региона с новыми формами хозяйствственно-экономических отношений.

При этом складывались группы производителей и продавцов, объединенные общими признаками и схожими подходами к организации экономической деятельности. В зависимости от особенностей эксплуатации экономических ресурсов и сопутствующих факторов производства в Нальчикском округе в начале XX века достигли значительного развития сельское хозяйство

Нальчикский округ в основном был аграрным регионом, и, естественно, что одним из основных отраслей экономики являлось сельское хозяйство. Как отмечалось, после присоединения малокабардинского участка к Нальчикскому округу в 1906 г. их общая площадь составляла 1 026 130 десятин, при этом не обмежеванных земель в нагорной полосе было 671 426 десятин, удобной под угодья 723 130 десятин, лесов 19 900 десятин и неудобной 104 000 десятин. Из этого следует, что

на душу коренного населения приходилось всей земли 19,68 десятин, удобной под угодья 13,8 десятин и лесов – 3,8 десятин [4, Л. 124 об].

Это говорит о том, что население округа было обеспечено природными ресурсами для удовлетворения своих сельскохозяйственных потребностей в среднем достаточно. Однако ведение сельского хозяйства в Нальчикском округе до начала XX в. оставалось на низком уровне. О трехпольной и многопольной системе севооборота крестьяне округа почти не имели понятия.

В 1905–1907 гг. в Нальчикском округе под посевы озимых хлебов в общей сложности было занято 13 374,5 десятин, яровых, соответственно – 52 353,5 десятин (всего – 65 728 десятин). На этом пространстве было высажено озимого хлеба 12 124,75 четверти и ярового 29 166 четвертей, собрано озимого 70 492,5 четвертей. И ярового 346 742 четвертей [4, Л. 129]. При этом следует отметить, что в начале XX в. хлебопашество оставалось основной отраслью сельского хозяйства по всей Терской области [3, с. 73].

В 1914 г. в округе было произведено 1 306 000 пудов озимой пшеницы, 372 675 пудов ячменя (ярового и озимого), 268 715 пудов овса, 594 590 пудов проса, 869 945 пудов кукурузы, 120 000 пудов картофеля, 88 2995 пудов подсолнечника. Всего было произведено 4 418 000 пудов продуктов сельского хозяйства. В этот же период было заготовлено 2 400 000 пудов суходольного сена [4, Л. 196 об.-197].

В 1915 г. эти показатели составили следующие цифры: 1 027 320 пудов озимой пшеницы, 428 625 пудов ярового и озимого ячменя, 310 050 пудов овса, 691 380 пудов проса; 997 670 пудов кукурузы; 120 000 пудов картофеля; 1 018 500 пудов подсолнечник. Всего – 4 597 645 пудов. Также было

заготовлено 3 500 000 пудов суходольного сена [4, Л. 196 об.-197].

Однако, в некоторых случаях собранного урожая не всегда хватало, чтобы обеспечить нужды местного населения в хлебе. Например, в 1908 г. было собрано 417 234 четвертей хлеба (пшеницы). Однако, по норме того времени при численности населения округа в 140 633 человека, для удовлетворения нужд населения требовалось 421 899 четверти. Таким образом, в этом году дефицит составлял 4 665 четвертей [3, с. 78]. Лучшие урожаи давали картофель и кукуруза. Просо и отчасти кукуруза производились в основном для употребления в пищу. Избытки проса, кукурузы, хлеба и др. шли на продажу.

Наибольшие торговые обороты в то время приходились на кукурузу и пшеницу. Так, в 1905–1913 гг. через две железнодорожные станции Котляревская и Муртазово было вывезено около 26 млн пудов пшеницы [1, с. 24]. В 1914 г. только через Муртазово было вывезено около 1 млн пудов, из них 630 000 пудов кукурузы, 205 000 пудов ячменя, 54 000 пудов овса, 53 000 пудов пшена, 16 700 пшеничной муки и 57 600 пудов «прочих хлебных грузов» [1, с. 24].

Примерно, четверть вывозимой кукурузы и треть ячменя поступали экспортировались за пределы страны через Новороссийский торговый порт. До 75 % кукурузы вывозилось на европейскую часть России, по-видимому, на винокуренные и крахмалопаточные заводы. Ячмень поставлялся на русские пивоваренные заводы, частично на фураж для кавалерийских полков Кавказа и Туркестана [1, с. 25].

В период с 1911 по 1915 гг. валовой сбор всех зерновых культур не превышал примерно 7,5–8

млн пудов в год, а вывоз товарного хлеба составлял примерно 4,5 млн пудов. Таким образом, примерно 2/3 собранного урожая всех зерновых культур в эти годы вывозилось за пределы округа [1, с. 25].

Некоторые изменения в организации хозяйственных отношений у жителей Нальчикского округа произошли в области садоводства. Г.Х. Мамбетов отмечал, что в начале XX в. садоводство приняло торговое направление [2, с. 138]. Он установил, что к этому времени общая площадь территории, занятой под виноградники и сады, за 13 лет увеличилась в 9 раз, а доход от реализации продукции этой отрасли хозяйствования поднялся в 18 раз [2, с. 138].

Таким образом, в 1905–1917 гг. в сельском хозяйстве Нальчикского округа в условиях проникновения товарно-денежных отношений начинался стремительный экстенсивный рост земледелья, что выражалось в росте посевных площадей. Хозяйство постепенно переходило от натурального, к торговому. Излишки произведенной продукции шли на продажу внутри округа и за его пределы.

Благодаря планомерному втягиванию Нальчикского округа в общероссийский торговый оборот происходит рост объемов производства и торговли сельскохозяйственной продукции (картофель, кукуруза, рожь, ячмень, овес, просо, пшеничная мука). Схожие тенденции наметились и в животноводстве. Основные доходы населению приносили продажа лошадей и крупного рогатого скота. При этом развитие этих отраслей по-прежнему находилось в определенной зависимости от природно-географических условий расположения округа.

Список литературы:

- [1] Белоусов, А. А. Экономическое развитие Кабарды (1867–1953) // А.А. Белоусов. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 154 с.
- [2] Мамбетов, Г. Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков /Г. Х. Мамбетов// Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – Вып. IX. – С. 110–149.
- [3] Терский календарь на 1908 г. Владикавказ, 1908.
- [4] Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее - УЦГА АС КБР). Ф. И-6 Оп. 1, Д. 695,907.

References:

- [1] Belousov, A. A. Economic development of Kabarda (1867–1953) by A. A. Belousov. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1956. – 154 p.
- [2] Mambetov, G. Kh. On the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th centuries /G. Kh. Mambetov// Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria. – Nalchik: Kabardino-Balkarian knizhnoe izdatelstvo, 1961. – Issue IX. – Pp.

110–149.

[3] Terek calendar for 1908. Vladikavkaz, 1908.

[4] Administration of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter referred to as the UCSA AS KBR). F. I-6 Op. I, D. 695,907.



МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-30-33

МИЛКИНА Наталья Александровна,
аспирант кафедры международного права,
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
телефон кафедры: +7 (812) 314-47-90
e-mail: milkina66@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Аннотация. Настоящая работа фокусируется на изучении материалов по делу «Прокурор против Боско Нтаганды», которое стало поворотным моментом в развитии защиты интересов детей, которые были вовлечены в столкновения с применением оружия, а также в развитии уголовного международного права. Для формирования прецедентов были изучены последствия дела в области права, кроме того, была рассмотрена впервые тема сексуального насилия в отношении детей-солдат. В ходе исследования материалов по делу Нтаганды, которого признали виновным не только в вербовке детей в солдаты, но и в насилии сексуального характера в отношении детей была выявлена эксплуатация сексуальная последних. Обеспечение справедливости в области сексуальных преступлений, жертвами которых стали дети на территориях конфликтов – задача первостепенной важности. Статья посвящена анализу функционирования Международного уголовного суда, направленной на то, чтобы виновные понесли наказание, а будущие поколения детей были защищены от подобных преступлений.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Дело «Прокурор против Боско Нтаганды», сексуальное рабство, защита несовершеннолетних, уголовное право, солдаты.

MILKINA Natalia Aleksandrovna,
Postgraduate Student, Department of International Law,
A.I. Herzen State Pedagogical
University of Russia

SELECTED ISSUES OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN THE PRACTICE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

Annotation. This paper focuses on the case of *Prosecutor v. Bosco Ntaganda*, a turning point in the development of protection of the interests of children involved in armed conflicts and in the development of international criminal law. To establish precedents, the legal implications of the case were examined, and the topic of sexual violence against child soldiers was examined for the first time. The Ntaganda case, which was found guilty not only of recruiting children as soldiers but also of sexual violence against children, revealed the sexual exploitation of children. Ensuring justice for sexual crimes against children in conflict zones is a matter of paramount importance. This article analyzes the functioning of the International Criminal Court, which aims to ensure that perpetrators are punished and future generations of children are protected from such crimes.

Key words: International Criminal Court, The *Prosecutor v. Bosco Ntaganda* case, sexual slavery, protection of minors, criminal law, soldiers.

Без МУС невозможно представить эффективную защиту прав детей, оказавшихся в зоне вооруженных конфликтов, его роль в этом вопросе бесценна. Важность работы и прецедентно-

го права МУС признается академическим сообществом, которое проявляет значительный интерес к их изучению.

Российские ученые, в частности, А.Х. Аба-

шидзе и А.М. Солнцев, сделали весомый вклад в исследование этого института. Их работы фокусируются через призму международно-правовой природы МУС и его трансформационного влияния на международное право, особенно в сфере прав человека.

В своем анализе решений Международного уголовного суда (МУС) относительно выплат жертвам, Бруно Биазати указал на то, что «дело Нтаганды ознаменовало собой прорыв в определении финансовых обязательств по компенсации ущерба в рамках системы международного уголовного правосудия» [1].

Благодаря рассмотрению дела «Прокурор против Боско Нтаганды», Международный уголовный суд значительно продвинул понимание того, как развивается международное уголовное право. В итоге, Боско Нтаганда был признан виновным в преступлениях, совершенных в Итури, Демократическая Республика Конго, в 2002-2003 годах.

Дело стало знаковым для МУС, поскольку впервые были исследованы преступления сексуального насилия против детей-солдат, служивших вместе с Нтагандой. Это исследование актуально, так как оно показывает, как правовые нормы могут защищать военнослужащих от сексуальных домогательств со стороны товарищей по оружию.

Исследование открывает новые возможности для защиты детей, вовлеченных в военные действия, и для признания сексуального рабства преступлением против человечности в условиях войны. Поскольку были выявлены проблемы в системе правосудия по делам несовершеннолетних и существуют эффективные методы защиты прав детей, мы предлагаем внести изменения в уголовно-процессуальные нормы и разработать методические пособия для образовательных организаций.

Боско Нтаганда из Демократической Республики Конго столкнется с судебным процессом по обвинениям в военных преступлениях. Его обвиняют в жестоком обращении с детьми, которых он принуждал к участию в вооруженных конфликтах, подвергая их сексуальному насилию и превращая в рабов. Эти действия, совершенные во время внутреннего вооруженного конфликта (как указано в обвинительном заключении, пункты 6 и 9), являются нарушением статьи 8(2)(e)(vi) Римского статута [2].

Дело «Прокурор против Боско Нтаганды», связанное с событиями в Демократической Республике Конго, началось 22 августа 2006 года с выдачи палатой предварительного производства ордера на арест. Этот ордер был результатом ходатайства прокурора, поданного 13 января 2006 года.

Решение о конфиденциальности ордера было принято из-за опасений, что его публичное объявление могло бы привести к бегству Боско Нтаганды, помешать следственным действиям или оказать давление на лиц, вовлеченных в процесс [3].

Изучение генезиса этих правовых норм не позволяет сделать однозначный вывод о том, что законодатели изначально планировали распространять требование о защищенном статусе жертвы на изнасилование и сексуальное рабство, когда они рассматриваются как военные преступления. Создатели этих норм последовательно определяли их как самостоятельные военные преступления, а не как вторичные проявления более общих нарушений Женевских конвенций.

Государства были согласны с тем, что категории, перечисленные в пункте 8(2) Римского статута, могут иметь общие элементы. При этом не было найдено никаких свидетельств того, что государства активно стремились к их четкому разграничению [4].

Следует отметить, что даже если не принимать во внимание условие о защищенном статусе, действия, описанные в статьях 8(2)(b)(xxii) и 8(2)(e)(vi), по своей сути во многом совпадали бы с преступлениями, предусмотренными статьями 8(2)(a) или 8(2)(c). Анализ реальных случаев показывает, что жертвы изнасилования или сексуального порабощения часто являются «защищаемыми лицами» или «лицами, не участвующими непосредственно в военных действиях». Таким образом, их страдания могут быть квалифицированы как по статьям 8(2)(a) или 8(2)(c) Статута, так и по статьям 8(2)(b)(xxii) и 8(2)(e)(vi) [5].

Для разграничения между незначительными правонарушениями, такими как мелкие сексуальные домогательства, и преступлениями, подпадающими под юрисдикцию международного уголовного права, Женевские конвенции (упомянутые в статьях 8(2)(b)(xxii) и 8(2)(e)(vi)) служат критерием для определения понятия «иные формы сексуального насилия».

Анализ элементов преступлений по Римскому статуту и их исторического контекста показывает, что «иные формы сексуального насилия» влекут ответственность только при условии их сопоставимой тяжести с нарушениями, подпадающими под действие Женевских конвенций или общей статьи 3.

Важно подчеркнуть, что данное требование не распространяется на изнасилование и сексуальное рабство. Причина кроется в том, что сама природа этих преступлений подразумевает их особую жестокость, сопоставимую с грубейшими нарушениями Женевских конвенций или общей

статьи 3, что делает излишним наличие дополнительного квалифицирующего признака в составе преступления [6].

Судебное разбирательство по делу «Прокурор против Боско Нтаганды» стало важным шагом в деле преследования лиц, виновных в сексуальной эксплуатации детей, участвовавших в вооруженных конфликтах. Решение по делу Нтаганды, признанного виновным в сексуальном порабощении несовершеннолетних, находившихся в составе его сил, значительно расширило границы ответственности командиров. Дети, подвергшиеся сексуальному насилию, теперь могут рассчитывать на правосудие, а виновные понесут наказание не только за их использование в военных действиях, но и за эти преступления.

В результате этого решения, сексуальное насилие над детьми, вовлечеными в войну, рассматривается как тяжкое нарушение международного права, требующее наказания. Обвинительный приговор, вынесенный Международным уголовным судом в отношении Нтаганды за сексуальное рабство, недвусмысленно демонстрирует, что такие преступления не останутся безнаказанными.

Судебное разбирательство по делу Боско Нтаганды

оказало глубокое воздействие на развитие международного уголовного права и усилило гарантии прав детей, ставших жертвами вооруженных конфликтов. Этот процесс создал важный юридический прецедент, возлагающий на военных лидеров ответственность за сексуальное насилие в отношении детей-солдат, и подчеркнул критическую необходимость в разработке и внедрении комплексных мер по защите прав детей в условиях войны.

Международный уголовный суд, активно работая над обеспечением безопасности детей, справедливости и предотвращением будущих преступлений, выполняет чрезвычайно важную миссию.

Международные правовые нормы, включая Всеобщую декларацию прав человека и Конвенцию о правах ребенка, служат глобальным ориентиром для государств. Эти ориентиры подразумевают адаптацию национальных систем правосудия для несовершеннолетних в соответствии со стандартами ООН и активизацию партнерства с ЮНИСЕФ, Комитетом по правам ребенка и другими международными структурами. Главная цель – обеспечить максимально эффективную и всестороннюю защиту прав детей.

Список литературы:

- [1] Biasatti B. *To Divide or Not to Divide: Innovations on Liability for Reparations in the Ntaganda Case* // Leiden Journal of International Law. 2024. Vol. 37. No. 4. P. 1039–1063
- [2] Международный уголовный суд: обзор постановления Апелляционной палаты от 15 июня 2017 года по делу Прокурор против Боско Нтаганды (Ntaganda) (дело № ICC-01/04-02/06) // Международное правосудие. – 2017. – № 4(24). – С. 34–38.
- [3] Ушацка, А. Международный уголовный суд и право на справедливое судебное разбирательство / А. Ушацка // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 1(68). – С. 117–130.
- [4] О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направления ее развития и совершенствования: Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04.12.2008 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025 г.).
- [5] Макаренко И. А. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в процессе расследования уголовного дела // Lex russica. 2015. № 8. С. 58–69.
- [6] Евсеев А. «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Международное правосудие. 2017. №4(24). С.122–136
- [7] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011г. № 1 (ред. от 29.11.2016г) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025 г.)

References:

- [1] Biasatti B. *To Divide or Not to Divide: Innovations on Liability for Reparations in the Ntaganda Case* // Leiden Journal of International Law. 2024. Vol. 37. No. 4. P. 1039–1063
- [2] International Criminal Court: Review of the Appeals Chamber Judgment of 15 June 2017 in the Case of the Prosecutor v. Bosco Ntaganda (Ntaganda) (Case No. ICC-01/04-02/06) // International Justice. – 2017. – No. 4(24). – P. 34–38.
- [3] Ušacka, A. The International Criminal Court and the Right to a Fair Trial / A. Ušacka // Comparative Constitutional Review. – 2009. – No. 1(68). – P. 117-130.

[4] On the state of the judicial system of the Russian Federation and priority areas for its development and improvement: Resolution of the VII All-Russian Congress of Judges of the Russian Federation of 04.12.2008 // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 22.10.2025).

[5] Makarenko I. A. Ensuring the rights and legitimate interests of a minor accused during the investigation of a criminal case // Lex russica. 2015. No. 8. P. 58-69.

[6] Evseev A. «Reworking the Past»: the Complexity of Forensic Knowledge // International Justice. 2017. No. 4(24). P. 122–136

[7] On judicial practice in applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 (as amended on 29.11.2016) // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 22.10.2025)



КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-34-37

ФАСХУТДИНОВА Самира Маратовна,
студентка факультета подготовки
специалистов для судебной системы
Юридического факультета Казанского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М.Лебедева»
e-mail: s_fashutdinova@bk.ru

ЗАЙНУЛЛИН Али Ильнарович,
студент факультета подготовки
специалистов для судебной системы
Юридического факультета Казанского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М.Лебедева»,
e-mail: popalipop90@icloud.com

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. После внесения поправок 2020 г. в Конституцию РФ и принятия Указа Президента РФ № 809 была создана более четкая правовая база для программной поддержки институтов гражданского общества. Конституция РФ прямо закрепила обязательство государства поддерживать добровольческие и иные общественные инициативы (ч. 3 ст. 75.1), а Указ № 809 систематизировал «традиционные ценности», которые стали ориентиром для государственных программ. На фоне социальных и политических вызовов последнего пятилетия наблюдается рост волонтерских движений, общественных советов, независимых мониторинговых платформ, которые используют государственные и негосударственные ресурсы для решения общественно значимых задач. Расширяется участие бизнеса и частных лиц в партнёрских проектах с НКО («государственно-частные» и «социально-частные» партнёрства).

Существуют федеральные и региональные грантовые программы, конкурсы для НКО, центры компетенций. Созданы цифровые платформы для подачи отчётности и заявок на поддержку, что упрощает взаимодействие организаций с государственными структурами. В ряде регионов действуют ресурсные центры для некоммерческого сектора.

Ввиду обозначенного подчеркнем, что в статье рассматривается роль конституционных ценностей как фундамента функционирования гражданского общества в современной России. На основе анализа конституционных норм, положений федерального закона № 32-ФЗ от 26.02.2024 г. и подзаконных нормативных правовых актов, раскрываются нормативные и институциональные предпосылки развития институтов гражданского общества. Особое внимание уделено обзорам практики Конституционного Суда Российской Федерации, отражающим тенденции ценностно-ориентированного толкования норм. Показаны как возможности, так и ограничения реализации конституционных ценностей на практике; обозначены перспективы развития правового регулирования и просветительских мер.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционные ценности, гражданское общество, духовно-нравственные ценности, некоммерческие организации, Конституционный Суд Российской Федерации.

FASHUTDINOVA Samira Maratovna,
Student, Faculty of Law,

*Training Specialists for the Judicial System,
Kazan Branch, Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev*

ZAYNULLIN Ali Ilnarovich,
*Student, Faculty of Law,
Training Specialists for the
Judicial System,
Kazan Branch, Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev*

CONSTITUTIONAL VALUES AS THE BASIS FOR THE FUNCTIONING OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Annotation. Following the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation and the adoption of Presidential Decree No. 809, a clearer legal framework for programmatic support of civil society institutions was created. The Constitution of the Russian Federation explicitly enshrined the state's obligation to support volunteer and other public initiatives (Part 3 of Article 75.1), and Decree No. 809 systematized «traditional values» that became a guideline for state programs. Against the backdrop of the social and political challenges of the last five years, there has been a growth in volunteer movements, public councils, and independent monitoring platforms that utilize state and non-state resources to address socially significant issues. Business and private participation in partnership projects with NGOs (public-private and social-private partnerships) is expanding.

There are federal and regional grant programs, competitions for NGOs, and competence centers. Digital platforms for reporting and support applications have been created, simplifying the interaction of organizations with government agencies. Resource centers for the non-profit sector operate in a number of regions.

Therefore, we emphasize that this article examines the role of constitutional values as the foundation for the functioning of civil society in modern Russia. Based on an analysis of constitutional norms, the provisions of Federal Law No. 32-FZ of February 26, 2024, and subordinate legal acts, the normative and institutional prerequisites for the development of civil society institutions are revealed. Particular attention is given to reviews of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, reflecting trends in value-oriented interpretation of norms. Both the possibilities and limitations of implementing constitutional values in practice are demonstrated, and prospects for the development of legal regulation and educational measures are outlined.

Key words: Constitution of the Russian Federation, constitutional values, civil society, spiritual and moral values, non-profit organizations, Constitutional Court of the Russian Federation.

Поправки 2020 г. к Конституции РФ усилили закрепление роли институтов гражданского общества (включая добровольчество и НКО) как предмета государственной политики. В 2022–2024 гг. принятые акты, дополняющие эти положения, в частности Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Федеральный закон от 26.02.2024 № 32-ФЗ, внесший изменения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях». Эта нормативная база формирует предпосылки для анализа соответствия провозглашенных конституционных ценностей реальному функционированию гражданского общества.

В российской правовой науке понятие «кон-

ституционные ценности» рассматривается как совокупность фундаментальных принципов и ориентиров, закрепленных в Конституции и обеспечивающих целостность правовой системы и общества [1, с.75],[5]. Эти ценности имеют нормативный характер, т.е. выражены в нормах Конституции Российской Федерации, и в то же время — ценностный: они задают приоритеты развития государства, общества и личности [4].

Современное понимание конституционных ценностей складывалось постепенно: от идей правового государства и разделения властей XIX века, через советскую традицию (доминирование колlettivistских ценностей) — к либеральным и социальным ориентирам Конституции 1993 г. [2, с.30]. Поправки 2020 г. институционализировали ряд новых ценностных акцентов (поддержка се-

мыи, патриотизм, защита исторической памяти), что расширило рамки классической классификации прав и свобод.

На уровне действующей Конституции и последующих актов закрепляются следующие ключевые группы конституционных ценностей:

- права и свободы человека и гражданина (гл. 2 Конституции РФ) — остаются ядром конституционного строя [6];
- народовластие и суверенитет (ст. 3) — народ как источник власти;
- социальная справедливость и равенство (ст. 7) — Россия как социальное государство;
- традиционные духовно-нравственные ценности и патриотизм — официально закреплены в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809, где перечислены ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, семья, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая память и др.;
- политический плюрализм и запрет государственной идеологии (ст. 13) — правовая гарантия для многообразия институтов гражданского общества.

Такой перечень, закрепленный в официальных документах, используется органами власти как база для разработки стратегических документов и для оценки деятельности НКО, образовательных и культурных программ.

В научной литературе предлагаются разные классификации конституционных ценностей [1, 7]. С учетом современных условий их можно разделить на три уровня:

1. фундаментальные (базовые) ценности — права человека, народовластие, правовое государство, социальное государство;
2. институциональные ценности — федерализм, разделение властей, политический плюрализм, независимость суда [10], органов местного самоуправления [5];
3. культурно-традиционные ценности — патриотизм, гражданственность, историческая память, духовно-нравственные ориентиры, поддержка семьи.

Такая трехуровневая модель помогает показать, что конституционные ценности не только закреплены в нормах, но и институционально опорожнены через конкретные механизмы (НКО,

волонтерство, общественные советы) [3].

Исторически российская конституционная модель ценностей формировалась через несколько этапов:

- дореволюционный — акцент на правовом государстве и сословном представительстве;
- советский — доминирование коллективистских и идеологических ценностей;
- 1990-е — провозглашение либеральных прав и свобод, создание новых институтов;
- XXI век — институционализация через национальные проекты, поддержку НКО и конституционную реформу 2020 г., завершившую процесс закрепления традиционных ценностей [9].

Эта динамика показывает, что конституционные ценности не являются статичными: они развиваются вместе с политической системой и запросами общества.

В. В. Комарова подчеркивает, что “возможность граждан подавать обращения является не только их конституционным правом — она позволяет наладить механизм обратной связи гражданского общества и государства, повысить их взаимное доверие” [8, с. 11].

Для институтов гражданского общества конституционные ценности служат нормативной и ценностной рамкой. Они определяют, какие цели и виды деятельности НКО могут претендовать на государственную поддержку, как оценивается их работа, и какие ограничения (например, в сфере отчетности или финансирования) могут быть пра-вомерно введены [9].

Конституционный Суд Российской Федерации выступает ключевым органом [9], формирующим ценностно-ориентированное толкование Конституции. В обзорах практики 2023–2024 гг. Суд уделяет внимание вопросам баланса между личными правами и общественными интересами [11, 12], допустимости ограничений свободы объединений, ответственности НКО и механизмов государственной поддержки [1].

Таким образом, Конституция РФ в ее последней редакции является не только источником прав, но и «рамочным контрактом» между государством и обществом. Поправки 2020 г. и последующие акты задали базу для развития институтов гражданского общества, но требуют дальнейшего нормативного и процедурного наполнения.

Список литературы:

- [1] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 2 (22). С. 73-91.
- [2] Багирян Г.А. Формирование конституционных основ гражданского общества: конституционные проекты 90-х годов в свете конституционной реформы 2020 г. // Гражданское общество в

России и за рубежом, № 03/2024. С.30-33.

[3] Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике её толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 68–83.

[4] Волков В.Э. Конституционные ценности в информационном обществе: пространство и время // Юридический вестник Самарского университета, 2018, Т. 4, № 4. С.13-17.

[5] Гарифуллина А.Р., Юн Л.В. Дефицит квалифицированных кадров в органах местного самоуправления: общетеоретические аспекты // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 3. С. 3-5.

[6] Джантукханов, Висади Зайналович. Равенство и справедливость как конституционные ценности гражданского общества : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02. — Махачкала, 2006. — 153 с.

[7] Евдокимов В.Б., Мочалов А.Н. Конституционные ценности в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 28—42.

[8] Комарова ВВ. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права или цифровые возможности. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2023 №2. С.10–20.

[9] Цветкова Н.Б. Правовое регулирование взаимодействия государства и институтов гражданского общества: Укрепление традиционных ценностей // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024 Т.49, No 2. С.62–68.

[10] Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт // Российский судья. 2021. № 2. С. 52-54.

[11] Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 3 (23). С. 130-134.

[12] Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства. Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2023. Т. 19. С. 41-44.

References:

[1] Avdeev D. A. Constitutional and Legal Values: Concept, Types, and Hierarchy / D. A. Avdeev // Bulletin of Tyumen State University. Socioeconomic and Legal Research. 2020. Vol. 6. No. 2 (22). Pp. 73-91.

[2] Bagiryan G. A. Formation of the Constitutional Foundations of Civil Society: Constitutional Drafts of the 1990s in Light of the 2020 Constitutional Reform // Civil Society in Russia and Abroad, No. 03/2024. Pp. 30-33.

[3] Belov S. Values of the Russian Constitution in the Text and in the Practice of Its Interpretation // Comparative Constitutional Review. 2019. No. 4 (131). Pp. 68–83.

[4] Volkov V.E. Constitutional Values in the Information Society: Space and Time // Legal Bulletin of Samara University, 2018, Vol. 4, No. 4. Pp. 13-17.

[5] Garifullina A.R., Yun L.V. Shortage of Qualified Personnel in Local Government Bodies: General Theoretical Aspects // Municipal Service: Legal Issues. 2020. No. 3. Pp. 3-5.

[6] Dzhantukhanov, Visadi Zainalovich. Equality and Justice as Constitutional Values of Civil Society: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.02. - Makhachkala, 2006. - 153 p.

[7] Evdokimov V.B., Mochalov A.N. Constitutional Values in the Constitutions and Charters of the Subjects of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 5. Pp. 28-42.

[8] Komarova VV. Bilateral Interaction between Citizens and Public Authorities: Digital Rights or Digital Opportunities. Journal of the Belarusian State University. Law. 2023. No. 2. Pp. 10-20.

[9] Tsvetkova NB. Legal Regulation of Interaction between the State and Civil Society Institutions: Strengthening Traditional Values // Works on Intellectual Property. 2024. Vol. 49, No. 2. Pp. 62-68.

[10] Yun LV. Models of Constitutional Justice as an Important Element of Constitutional Justice: Foreign Experience // Russian Judge. 2021. No. 2. Pp. 52-54.

[11] Yun LV. Judicial Protection of Environmental Rights of Man and Citizen in National Law: Current Issues // Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences. 2023. No. 3 (23). P. 130-134.

[12] Yun L.V. Constitutional legal understanding as an important element of constitutional legal proceedings. Scientific notes of the Kazan branch of the «Russian State University of Justice». 2023. Vol. 19. P. 41-44.

ДРОБЫШЕВ Александр Александрович,
студент 2-го курса магистратуры,
Гуманитарный институт
Санкт-Петербургский политехнический университета Петра Великого
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: sah30081978@gmail.com

СКОПЦОВ Никита Александрович,
студент 2-го курса магистратуры,
Гуманитарный институт
Санкт-Петербургский политехнический университета Петра Великого
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: n.skoptsov@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТРАТЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены правовые проблемы утраты статуса Президента Российской Федерации. Не для кого не секрет, что Президент является ключевой фигурой в политической жизни России. Глава российского государства определяет направления внутренней и внешней политики, а также осуществляет общее руководство Правительством РФ. Данная статья акцентирует внимание на правовые пробелы касающиеся утраты Президента его статуса, а также возможные последствия в случае не решения данных проблем. В статье предлагаются пути решения описанных правовых проблем путём внесения изменений в действующее законодательство, а также принятие новых нормативных актов.

Ключевые слова: президент, глава государства, конституционное право, отрешение от должности, утрата статуса, лишение статуса.

DROBYSHEV Alexander Alexandrovich,
2-nd year master student,
Institute of Humanities
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
Russia, St.Petersburg

SKOPTSOV Nikita Alexandrovich,
2-nd year master student,
Institute of Humanities
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
Russia, St.Petersburg

LEGAL ISSUES OF LOSS OF THE STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article examines the legal issues surrounding the loss of the President of the Russian Federation's status. It's no secret that the President is a key figure in Russia's political life. The head of state determines the direction of domestic and foreign policy and exercises overall leadership over the Government of the Russian Federation. This article focuses on the legal gaps surrounding the loss of the President's status and the potential consequences of failing to address these issues. The article proposes solutions to these legal issues through amendments to current legislation and the adoption of new regulations.

Key words: president, head of state, constitutional law, removal from office, loss of status, deprivation of status.

Введение

Актуальность темы юридической утраты статуса Президента Российской Федерации обусловлена как особенностями политической и правовой системы страны, так и реальными вызовами, стоящими перед государственными институтами в условиях динамично развивающейся международной и внутренней обстановки. Президент Российской Федерации является высшим должностным лицом, обладающим значительными полномочиями и ответственностью за текущее состояние и развитие страны. Однако существует множество факторов, способных привести к утрате данного статуса, включая политические, юридические и социально-экономические обстоятельства.

Несмотря на то что Конституция РФ и множество других правовых актов должным образом регулируют вопросы, касающиеся президентских полномочий, институциональная структура и практика исполнения этих норм требуют детального анализа. Юридические последствия утраты статуса Президента могут быть разнообразными и затрагивают не только самого должностного лица, но и функционирование государственных органов, включая возможность проведения досрочных выборов, перераспределение полномочий и изменения в судебной системе. Что в свою очередь повлияет на всё государство.

Утрата статуса Президента

Утрата статуса Президента Российской Федерации зафиксирована в Конституции, в частности, в статье 92. В этом разделе указаны различные причины для прекращения полномочий Президента РФ [1].

Согласно части 1 статьи 92 Конституции РФ, полномочия главы государства прекращаются по истечении срока его нахождения в должности, который составляет шесть лет, начиная с момента, когда новый Президент приносит присягу. То есть Президент завершает исполнение своих обязанностей с приходом нового руководителя страны.

Это является стандартной практикой прекращения полномочий. В других ситуациях возможно досрочное приостановление полномочий. Необходимо отметить, что часть 3 статьи 92 Конституции гласит, что если Президент не может выполнять свои задачи, то до избрания нового Президента эти обязанности возлагаются на Председателя Правительства РФ. Так Председатель Правительства РФ Владимир Путин стал исполняющим обязанности Президента до выборов, после ухода Б.Н. Ельцина.

Согласно части 2 статьи 92, существуют три

основания для досрочного прекращения полномочий: отставка, стойкая неспособность по состоянию здоровья и отстранение от должности. Под отставкой подразумевается добровольное решение Президента покинуть свой пост. Так поступил экс-президент Б.Н. Ельцин 31 декабря 1999 года.

Отставка Президента Российской Федерации представляет собой самостоятельное желание лидера уйти с должности главы государства. Однако на сегодняшний день законодательство не определяет порядок данной процедуры. Несколько, кому следует направлять заявление об отставке: народу, Федеральному Собранию или Правительству? Достаточно ли просто заявить об отставке, или это заявление должно быть рассмотрено государственным органом, который примет решение — соглашаться или отклонять?

Если же необходимо рассмотрение заявления об отставке, то какой государственный орган обязан его рассматривать?

Справедливости ради, нельзя исключать вероятность, что заявление об отставке будет сделано под давлением каких-либо сил или в результате временных психических или физических расстройств. Если для отставки Председателя Правительства существует возможность отклонения заявления, почему это не должно относиться и к Президенту? Ведь Президент является более важной фигурой в политической системе России, чем Председатель Правительства.

Чёткое юридическое регулирование вопроса об отставке Президента РФ существенно упростило бы процесс передачи полномочий Председателю Правительства и последующие выборы.

Кроме того, Президент также может прекратить выполнение своих обязанностей в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья. Однако и здесь существуют юридические проблемы из-за которых возникают вопросы. Например, неясно, как определяется данный критерий, и кто его устанавливает.

Какую болезнь или какое состояние можно считать «стойкой неспособностью»? Насколько серьёзно должно быть заболевание?

Также вопросы касаются органа или лица который постановляет о невозможности Президента выполнять свои полномочия по данному основанию. Кем должно быть это лицо, или что это должен быть за орган? Как он формируется, и кто наделяет его правом решать о состоянии здоровья Президента и возможности им выполнять свои обязанности?

Процедура досрочного прекращения полномочий Президента в случае стойкой неспособности требует специального порядка, чтобы объективно

подтвердить невозможность главы государства выполнять свои функции как в силу угнетения здоровья, так и по причинам, касающимся его полномочий.

В этом контексте волеизъявление Президента может не быть основным условием для прекращения его полномочий, так как может уже не в состоянии объективно оценивать ситуацию. Но в этом случае вновь встает вопрос о том, кто решает о способности Президента продолжать исполнение своих полномочий? И главное, какой орган принимает решение об утрате Президентом его статуса по причине стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия?

Так, в Федеративной Республике Германия, согласно закону «О Перенятии обязанностей Президента», решение об отрешении Президента в случае его стойкой неспособности осуществлять власть по состоянию здоровья – принимает Рейхсрят.

Другим примером может служить Франция. Так, согласно французской Конституции, а именно статье 7, Правительство вправе отправить запрос в Конституционный совет, который вправе принять абсолютным большинством голосов решение о наличии обстоятельств, препятствующих Президенту осуществлять его обязанности. В таком случае, либо исполняющим обязанности Президента становится председатель Сената, либо Президента отрешают от должности.

В Российской Федерации пока не приходилось использовать данное основание для снятия Президента с должности, однако, решение данного правового пробела необходимо для стабильности в будущем.

Третье основание для досрочного прекращения – это отстранение от должности, регламентированное статьёй 93 Конституции РФ. Это решение принимается вопреки воле Президента.

Отстранение Президента от должности выступает как мера конституционно-правовой ответственности за серьёзные преступления, которое осуществляется в особом процессуальном порядке.

Процедура отстранения включает три этапа. На первом этапе Государственная Дума должна выдвинуть обвинение. Для этого инициатива может исходить от группы не менее трети депутатов. Важно наличие заключения специальной комиссии. Решение принимается при поддержке двух третей голосов.

Уже на данном этапе появляются сложности, так, законом не регламентировано как формируется «специальная комиссия», кто может быть членом данной комиссии и какие у неё полномочия.

Это может привести к тому, что любая созданная комиссия может быть объявлена «незаконной» просто потому что в законе нет чётких критериев о составе «специальной комиссии».

На следующем этапе требуется заключение Верховного и Конституционного Суда, где первый оценивает наличие признаков преступления, а второй – соблюдение порядка выдвижения обвинений.

Сложность данного этапа в том, что судей вышеназванных судов назначает Совет Федерации по представлению Президента РФ. Вызывает сомнения тот факт, что судьи будут поддерживать обвинение в адрес Президента, который назначил их на пост судьи.

Третий этап подразумевает, что Совет Федерации принимает решение, основываясь на всех представленных материалах. Положительное решение должно быть принято в течение трёх месяцев после выдвижения обвинений, для этого нужно одобрение двух третей сенаторов. Если этого не происходит, претензии против Президента считаются отклонёнными.

Согласно Конституции, Президент вправе назначить в Совет Федерации «не более 30 представителей Российской Федерации», которые имеют статус сенаторов и судя по положению Конституции, также вправе принимать участие в голосовании. Опять же, существуют сомнения что данные лица будут голосовать против Президента РФ.

Некоторые эксперты оценивают данный процесс как неосуществимый, поскольку участие нескольких государственных органов – членов которых прямо или косвенно назначает сам Президент – затрудняет принятие решений.

Хотя, стоит обратить внимание что в США, за более чем 200 лет существования института президентства, процедура отрешения от должности (импичмента), так ни разу и не была произведена, все президенты либо были оправданы, либо использовали различные способы чтобы избежать наказания.

Вне зависимости от способа, которым проходило досрочное прекращение полномочий, выборы нового Президента должны проходить в срок не позже трёх месяцев после окончания полномочий прежнего [2].

В истории современной России был лишь один из перечисленных случаев, однако, это не значит, что в будущем не произойдёт ситуации, когда Президента необходимо лишить полномочий, дабы избежать политического кризиса. В таком случае необходимо принятие законодательных актов, которые подробно пропишут процедуру отрешения Президента от должности.

Заключение

В результате проведённого анализа правовых проблем, связанных с утратой статуса Президента Российской Федерации, можно сделать ряд выводов, имеющих существенное значение для дальнейшего развития юридической практики и теории. На сегодняшний день законодательство в области прекращения полномочий президента нуждается в серьёзной доработке, поскольку действующие нормы не всегда обеспечивают чёткость и прозрачность в случаях правовых коллизий и конфликтов, возникающих в процессе реализации

президентских полномочий.

Выявленные проблемы, такие как отсутствие однозначных процедур и механизмов, касающихся досрочного прекращения полномочий Президента, а также правовые пробелы в регулировании случаев, связанных с его физическим или психическим состоянием, подчёркивают необходимость создания более совершенной системы правовых норм. Это особенно важно для обеспечения стабильности в функционировании государственных институтов и обеспечения прав граждан в условиях политической неопределенности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 4.07.2020. – № 144.

[2] О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. – 4.07.2020. – No. 144.

[2] On the elections of the President of the Russian Federation: Federal Law of 10.01.2003 No. 19-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 2. Art. 171.



ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-42-45

ЕВГЕНОВА Анна Андреевна,
студент

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа
e-mail: anya392@mail.ru

ЧЕКРЫЖОВ Алексей Владимирович,

научный руководитель,

старший преподаватель кафедры международных отношений,
истории и востоковедения

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа
e-mail: alexey_v.chek@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматривается цифровое государство как закономерный этап трансформации правовой цифровой среды, сформировавшейся в результате поступательной эволюции информационно-коммуникационных технологий и их интеграции в систему публичного управления. Анализируется переход от фрагментарной автоматизации и электронного документооборота к комплексной модели цифрового государства, охватывающей не только технологические, но и институциональные, нормативные и социокультурные аспекты функционирования публичной власти. Особое внимание уделяется изменению природы правового регулирования в условиях цифровизации, формированию новых юридических конструкций, трансформации принципов государственно-правового взаимодействия и переосмыслению роли субъектов права в цифровой среде. Делается вывод о том, что цифровое государство представляет собой не просто техническую модернизацию управления, а качественно новую форму организации публичной власти, основанную на данных, алгоритмах и цифровых платформах, что требует комплексного научного и правового осмысливания. Также подчеркивается необходимость формирования устойчивых правовых механизмов адаптации законодательства к стремительно меняющейся цифровой реальности, что предполагает развитие прогнозного регулирования и опережающего нормотворчества. Особая роль отводится междисциплинарному взаимодействию права, информационных технологий и управленческих наук, обеспечивающему комплексный подход к осмысливанию цифровых трансформаций публичной власти.

Ключевые слова: цифровое государство, правовая цифровая среда, цифровизация права, электронное управление, правовое регулирование, государственная власть, цифровые технологии.

EVGENOVA Anna Andreevna,

Student

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa

CHEKRYZHOU Aleksej Vladimirovich,

Academic Supervisor;

Senior Lecturer, Department of International Relations,

History, and Oriental Studies

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa

DIGITAL STATE AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. This article examines the digital state as a natural stage in the transformation of the legal digital environment, formed as a result of the progressive evolution of information and communication technologies and their integration into the public administration system. It analyzes the transition from fragmented automation and electronic document management to a comprehensive digital state model encompassing not only technological but also institutional, regulatory, and sociocultural aspects of public administration. Particular attention is paid to the changing nature of legal regulation in the context of digitalization, the development of new legal structures, the transformation of the principles of state-legal interaction, and a rethinking of the role of legal entities in the digital environment. It is concluded that the digital state represents not simply a technical modernization of governance, but a fundamentally new form of public administration based on data, algorithms, and digital platforms, which requires a comprehensive scientific and legal understanding. The article also emphasizes the need to develop sustainable legal mechanisms for adapting legislation to the rapidly changing digital reality, which implies the advancement of predictive regulation and proactive lawmaking. A special role is assigned to the interdisciplinary interaction between law, information technologies, and management sciences, ensuring a comprehensive approach to understanding digital transformations of public authority.

Key words: digital state, digital legal environment, digitalization of law, e-governance, legal regulation, state power, digital technologies.

Введение

Актуальность исследования обусловлена интенсивной цифровизацией публичного управления и трансформацией правовой системы под воздействием информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на рост научного интереса к проблеме цифрового государства, в правовой доктрине сохраняется фрагментарность подходов и отсутствие единого понятийного аппарата, что затрудняет формирование целостной модели правового регулирования цифровой среды. Таким образом, тема статьи характеризуется высокой научной и практической значимостью.

Цель и задачи

Цель статьи заключается в комплексном анализе цифрового государства как этапа развития правовой цифровой среды.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть сущность цифрового государства в системе публичной власти.
2. Проанализировать трансформацию правового регулирования в условиях цифровизации.
3. Выявить основные правовые риски и вызовы цифровой трансформации.
4. Обозначить перспективы развития нормативного регулирования в данной сфере.

Методы исследования

В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, а также системный и структурно-функциональный подходы, что позволило рассмотреть цифровое государство

как сложное социально-правовое явление в динамике его развития.

Обсуждение

Цифровое государство в современном научном дискурсе все чаще рассматривается не как изолированный результат внедрения информационных технологий в сферу публичного управления, а как закономерный этап развития правовой цифровой среды, формировавшейся на протяжении последних десятилетий в условиях интенсивной информатизации общества и трансформации механизмов государственного регулирования [1, с. 83]. Изначально цифровизация в правовой сфере проявлялась в виде внедрения электронного документооборота, направленного на упрощение процедур, повышение оперативности обработки информации и снижение административных издержек. Электронные формы взаимодействия между органами власти и гражданами воспринимались прежде всего как техническое средство оптимизации существующих процессов без существенного влияния на их содержательное наполнение и юридическую природу. Однако по мере расширения сферы применения цифровых технологий стало очевидно, что их влияние выходит далеко за рамки вспомогательного инструментария и затрагивает фундаментальные основы функционирования государства и права.

Правовая цифровая среда формируется как совокупность технологических, нормативных и институциональных элементов, обеспечивающих функционирование правовых отношений в условиях цифровой реальности [2, с. 112]. Она охватывает не только электронные сервисы и платфор-

менные решения, но и новые формы фиксации юридически значимой информации, способы реализации прав и обязанностей, а также механизмы правоприменения, опосредованные цифровыми технологиями. В этом контексте цифровое государство предстает как качественно новая модель организации публичной власти, в которой цифровые технологии становятся не внешним дополнением к традиционным управленческим структурам, а их системообразующим элементом. Происходит трансформация логики государственного управления, основанной на иерархической передаче информации, в сторону сетевой, платформенной модели, предполагающей использование больших данных, алгоритмов принятия решений и автоматизированных систем управления.

Переход к цифровому государству сопровождается изменением характера правового регулирования, что проявляется в появлении новых юридических категорий и переосмыслении традиционных понятий. Так, в цифровой среде трансформируется понимание документа как носителя юридической силы, поскольку его материальная форма уступает место электронному образу, удостоверяемому посредством криптографических средств защиты и цифровых подписей. Аналогичным образом изменяется содержание таких категорий, как государственная услуга, административная процедура, правосубъектность, что обусловлено внедрением автоматизированных решений и снижением доли непосредственного человеческого участия в процессах принятия управленческих решений. Возникает необходимость нормативного закрепления статуса алгоритмов и информационных систем как элементов, оказывающих прямое влияние на реализацию прав и свобод граждан.

Цифровое государство формирует принципиально новую модель взаимодействия между государством и обществом, основанную на постоянном обмене данными и высокой степени прозрачности управленческих процессов [4, с. 436]. Вместе с тем данная трансформация порождает и ряд правовых вызовов, связанных с обеспечением информационной безопасности, защитой персональных данных, соблюдением принципов правовой определенности и недопустимости произвольного вмешательства в частную жизнь. Усиление роли цифровых технологий в системе публичной власти требует выработки новых механизмов юридического контроля за функционированием алгоритмов, а также установления четких границ их применения, особенно в сферах, затрагивающих основные права и свободы человека.

Результаты

Проблематика формирования цифрового государства как этапа развития правовой цифровой среды проявляется прежде всего в отсутствии унифицированного понятийного аппарата, способного адекватно отразить специфику происходящих процессов. В правовой доктрине и нормативных актах по-прежнему сохраняется терминологическая разрозненность, когда такие категории, как «цифровая платформа», «интеллектуальная система», «алгоритмическое управление», «электронное правительство» и «цифровое государство» используются без четко обозначенной иерархии и различия их правового смысла. Это порождает неопределенность в правоприменительной практике и усложняет формирование целостной модели регулирования цифровых процессов, особенно в сферах, где автоматизированные решения непосредственно затрагивают права и законные интересы граждан.

Существенной проблемой становится алгоритмизация властных решений, при которой обработка данных и формирование управленческих выводов осуществляется на основе программных моделей, логика функционирования которых часто остается недоступной для внешней проверки [3, с. 128]. В условиях, когда цифровые системы участвуют в распределении социальных благ, оценке рисков, предоставлении государственных услуг и осуществлении контрольных функций, возникает риск подмены юридической аргументации формализованными вычислительными процедурами, лишенными необходимой степени прозрачности и подотчетности. Это актуализирует вопрос о допустимых границах делегирования властных полномочий техническим системам и о необходимости установления специальных правовых режимов ответственности за последствия функционирования алгоритмов.

Отдельного внимания заслуживает проблема цифрового неравенства, проявляющаяся в неодинаковом уровне доступа граждан к цифровым сервисам, различиях в цифровой грамотности и способности эффективно реализовывать свои права в электронной форме. В условиях перехода к модели цифрового государства подобные различия приобретают не только социальный, но и правовой характер, поскольку отсутствие доступа к цифровой инфраструктуре фактически ограничивает возможность полноценных правоотношений с органами публичной власти. Тем самым возникает угроза формирования латентных барьеров реализации прав, что противоречит принципам равенства и недискриминации, закрепленным в

конституционно-правовой системе.

Не менее значимой является проблема обеспечения цифрового суверенитета и юрисдикционной определенности в трансграничной цифровой среде. Государственные информационные системы все чаще взаимодействуют с глобальными цифровыми платформами, функционирующими за пределами национального правопорядка, что усложняет вопросы применимого права, защиты данных и ответственности за их обработку. Размытие территориальных границ в цифровом пространстве ставит под сомнение традиционные подходы к понятию государственной юрисдикции и требует выработки новых механизмов согласования национальных и наднациональных правовых решений.

Дополнительный слой проблематики связан с трансформацией доказательственной базы и юридической силы цифровых следов в условиях цифрового правоприменения. Электронные данные, хранящиеся в распределенных реестрах, облачных системах и иных цифровых хранилищах, требуют особых процедур верификации, а также единых стандартов оценки их достоверности. Отсутствие комплексного регулирования в данной сфере создает риск правовой уязвимости как со стороны государства, так и со стороны граждан, вовлеченных в цифровые правоотношения.

Заключение

Таким образом, цифровое государство следу-

ет рассматривать не как финальную стадию технологической модернизации публичной власти, а как сложный, динамичный и противоречивый этап развития правовой цифровой среды, в рамках которого происходит глубокая трансформация смысловых оснований государственно-правового регулирования. Оно воплощает переход от формальной автоматизации процессов к формированию новой парадигмы управления, основанной на данных, алгоритмах и цифровых экосистемах, что требует пересмотра традиционных представлений о соотношении публичной власти, личности и технологий.

Перспективы дальнейшего развития цифрового государства связаны с необходимостью формирования устойчивой модели правового регулирования, способной обеспечить баланс между эффективностью цифровых решений и сохранением фундаментальных принципов правового государства. Усиление роли технологий в управлении не отменяет центральной роли права как регулятора общественных отношений, напротив, оно актуализирует потребность в более гибких, адаптивных и концептуально выверенных правовых механизмах. В этом контексте цифровое государство предстает не только как технический феномен, но и как сложное социально-правовое явление, определяющее вектор развития юридической системы в условиях перехода к новой цифровой реальности.

Список литературы:

- [1] Братарчук Т. В. Актуальные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 5. — С. 83-97.
- [2] Ковалева Н. Н. Информационное право : учебник / Н. Н. Ковалева [и др.] ; под ред. Н. Н. Ковалевой. — Москва : Юрайт, 2022. — 353 с.
- [3] Липчанская М. А. Правовое регулирование цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации и странах Азии: сравнительное исследование // Государство и право. — 2023. — № 3. — С. 128-144.
- [4] Федотов М. А. Информационное право : учебник для вузов / под ред. М. А. Федотова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — 868 с.

References:

- [1] Bratarchuk T. V. Actual problems of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // Issues of public and municipal administration. - 2023. - No. 5. - Pp. 83-97.
- [2] Kovaleva N. N. Information law: textbook / N. N. Kovaleva [et al.]; edited by N. N. Kovaleva. - Moscow: Yurait, 2022. - 353 p.
- [3] Lipchanskaya M. A. Legal regulation of digital transformation of local government in the Russian Federation and Asian countries: a comparative study // State and Law. - 2023. - No. 3. - Pp. 128-144.
- [4] Fedotov M. A. Information law: textbook for universities / edited by M. A. Fedotov. — 2nd ed., revised. and additional — Moscow: Yurayt, 2023. — 868 p.

КУРШЕВ Альберт Хасанович,
преподаватель кафедры огневой подготовки,
подполковник полиции
e-mail: info@law-books.ru

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК СУЩЕСТВЕННАЯ УГРОЗА СТАБИЛЬНОМУ ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. В статье автором обращено внимание на то, что в соответствии с Конституцией РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Вышеназванное конституционное положение имеет важнейшее практическое значение для организации и осуществления антиэкстремистской и контртеррористической деятельности в российском государстве, поскольку противоправное поведение достаточно часто ориентировано на дискриминационные действия по различным признакам.

Ключевые слова: национальная рознь, экстремизм, терроризм, противоправные действия, правовые меры противодействия, система противодействия.

KURSHEV Albert Khasanovich,
Lecturer in the Firearms Training Department,
Police Lieutenant Colonel

EXTREMISM AND TERRORISM AS A SIGNIFICANT THREAT TO THE STABLE FUNCTIONING OF THE STATE AND THE PROVISION OF PUBLIC SAFETY AND LAW AND ORDER

Annotation. In the article, the author draws attention to the fact that, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the state guarantees the equality of human and civil rights and freedoms regardless of gender, race, nationality, language, origin, property and official status, place of residence, religious affiliation, beliefs, membership in public associations, and other circumstances. Any form of restriction of citizens' rights based on social, racial, national, linguistic, or religious affiliation is prohibited. This constitutional provision is of crucial practical importance for the organization and implementation of anti-extremist and counter-terrorism activities in the Russian state, as unlawful behavior often involves discriminatory actions on various grounds.

Keywords: Ethnic discord, extremism, terrorism, illegal actions, legal countermeasures, countermeasure system.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Глава 2 Конституции РФ детально регламентирует права и свободы человека и гражданина. Практическое значение указанной главы весьма многоаспектно в контексте организации и осуществления антиэкстремистской и контртеррористической деятельности.

С одной стороны, указанная глава Основно-

го закона РФ закрепляет объем правового статуса человека и гражданина, акцентируя внимание на таких значимых аспектах как жизнь, здоровье, свобода и личная неприкосновенность, честь, достоинство и др. С другой стороны, конституционные положения конкретизируют применяемые в Российской правовой системе подходы к равенству. Так, согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод

человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Кроме того, в Российской Федерации признается равенство прав и свобод мужчин и женщин.

Вышеназванное конституционное положение также имеет важнейшее практическое значение для организации и осуществления антиэкстремистской и контртеррористической деятельности в российском государстве, поскольку указанное противоправное поведение достаточно часто ориентировано на дискриминационные действия по различным признакам.

В контексте рассматриваемой главы Конституции РФ особое внимание следует обратить на ч. 5 ст. 13, которая закрепляет запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [1].

Все вышеназванные характеристики в полной мере принадлежат экстремистским и террористическим организациям, а закрепление указанного положения имеет важнейшее правовое значение в части организации системы противодействия экстремистским и террористическим проявлениям. Закрепление указанного запрета на конституционном уровне представляется совершенно справедливым, поскольку развитие анализируемой преступной деятельности представляет существенную угрозу стабильному функционированию государства и формирует новые вызовы процессам обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Кроме того, оправданным видится закрепление указанного запрета исходя из целей недопустимости направленности конкретных действий, которые могут совершаться как в рамках экстремистской деятельности, так и в контексте распространения террористической идеологии. Следовательно, вышеназванное конституционное положение выступает одновременно основой антиэкстремистской и контртеррористической деятельности.

Важно отметить, что остальные главы Конституции РФ также выступают значимыми правовыми основами борьбы с экстремизмом и тер-

роризмом. Так, в соответствии с федеративным устройством существует двухуровневая система противодействия указанному противоправному поведению, которая подразумевает вовлеченность в антиэкстремистскую и контртеррористическую деятельность органов государственной власти РФ, а также государственных структур субъектов РФ.

Закрепление конституционных основ функционирования высших органов государственной власти и их должностных лиц содействует распределению полномочий между ними, что в обязательном порядке учитывается при организации и осуществлении антиэкстремистской и контртеррористической деятельности.

Таким образом, важнейшей основой противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации выступает Конституция, которая с одной стороны закрепляет базовые положения, недопустимые для нарушения, на которые, как правило, и ориентированы экстремистские и террористические проявления, с другой стороны – конституционные положения имеют организационно-процессуальную направленность в контексте закрепления федеративного устройства и системы органов государственной власти, а также их основных полномочий.

Безусловно, отдельного внимание профилактики идеологии противоправных явлений в Конституции не уделяется, однако данный факт обусловлен юридической техникой данного акта.

Отметим, что Конституция РФ также признает верховенство норм международного права, что делает актуальным рассмотрение в рамках правовых основ профилактики идеологии не только внутригосударственных актов, но и международных договоров.

В данном контексте следует отметить, что в целом антиэкстремистская и контртеррористическая деятельность характеризуется наличием международно-правовых основ, которые представлены многообразием как общеправовых международных документов (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и др.), так и международных актов специальной направленности (например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года и др.).

Применительно к проблематике профилактики преступной идеологии более конкретизиро-

ванным представляется Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы, который определяет содержательные характеристики разновидностей профилактики и закрепляет конкретные меры в отношении каждой разновидности с учетом современных вызовов и угроз [3].

Большинство мер противодействия идеологии терроризма актуальны и для борьбы с экстремизмом, поскольку данные противоправные явления теснейшим образом взаимосвязаны, в том числе в идеологической составляющей.

На наш взгляд перспективным представляется на законодательном уровне расширить сферы применения вышеназванного плана на антиэкстремистское функционирование, или же конкретизировать профилактические меры антиэкстремистского характера в отдельном схожем документе.

Антиэкстремистская и контртеррористическая деятельность в настоящее время осуществляется практически всеми органами государственной власти с учетом их компетенции, в связи с чем правовыми основами указанных процессов также является множество ведомственных актов [4].

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993.
- [2] Бокова И.Б., Бгажноков М.В. Теоретико-правовые основы борьбы с экстремизмом в Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 12. С. 255.
- [3] Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.
- [4] Жамборов А.А. Социальная грань идеологии экстремизма // В сборнике: Достижения вузовской науки 2021. Сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. С. 43-44.
- [5] Машекуашева М.Х. О некоторых факторах трансформации форм терроризма: влияние глобализационных процессов. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2024. Т. 1. № 13. С. 212-217.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993.
- [2] Bokova I.B., Bgazhnokov M.V. Theoretical and Legal Foundations of the Fight against Extremism in the Russian Federation // Law and Management. 2024. No. 12. P. 255.
- [3] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8669.
- [4] Zhamborov A.A. The Social Facet of Extremist Ideology // In the collection: Achievements of University Science 2021. Collection of articles from the XX International Research Competition. Penza, 2021. pp. 43-44.
- [5] Mashekuasheva M.Kh. On Some Factors in the Transformation of Terrorism Forms: The Influence of Globalization Processes. Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space. 2024. Vol. 1. No. 13. pp. 212-217.

Важно отметить, что на ведомственном уровне также весьма распространено единое регулирования антиэкстремистской и контртеррористической деятельности, поскольку полномочия органов государственной власти, не правоохранительной направленности, в данном контексте весьма схожи.

Правоохранительными структурами также издается множество ведомственных актов, начиная от планирования и заканчивая аналитической деятельностью в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом, что представляется весьма оправданным, поскольку развитие конкретных механизмов борьбы с экстремистскими и террористическими проявлениями требует нормативного сопровождения данной деятельности [2].

В заключение отметим на современном этапе характерной особенностью всех специальных международных документов является то, что профилактика в них в целом не фигурирует, а данная деятельность рассматривается как предупреждение анализируемого преступного поведения [5]. Идеологические составляющие экстремизма и терроризма также не отражаются в международных актах.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-49-53

ХВОСТОВА Екатерина Андреевна,
студентка Института Прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail:kate.khvostova@mail.ru

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Прокуратура выступает гарантом обеспечения прав, свобод и законных интересов различных субъектов, полного и неукоснительного соблюдения действующего законодательства, выявления и пресечения неправомерных деяний, направляет общественные отношения, поведение людей в определенное русло, способствуя тем самым эффективному функционированию институтов гражданского общества. Цель работы – исследовать роль прокуратуры в функционировании отдельных институтов гражданского общества, а именно предпринимательских структур, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации.

Ключевые слова: Прокуратура, гражданское общество, институты гражданского общества, защита прав и свобод человека и гражданина, взаимодействие прокуратуры и гражданского общества.

KHVOSTOVA Ekaterina Andreevna,
Student of the Institute of the Prosecutor's Office
at the O.E. Kutafin University (MSAL)

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN SUPPORTING CIVIL SOCIETY

Annotation. The Prosecutor's Office acts as a guarantor of the protection of rights, freedoms, and legitimate interests of various entities, of the full and strict observance of current legislation, of the detection and suppression of unlawful acts. It channels social relations and people's behavior in a certain direction, thereby contributing to the effective functioning of civil society institutions. The aim of the work is to explore the role of the Prosecutor's Office in the functioning of specific institutions of civil society, namely business structures, public and religious associations, and mass media.

Key words: Prosecutor's Office, civil society, civil society institutions, Protection of human and civil rights and freedoms, Interaction between the prosecution authorities and civil society.

Современное конституционное право России закрепляет основы построения правового государства, неотъемлемым элементом которого является развитое гражданское общество. Институты гражданского общества — общественные объединения, правозащитные организации, органы общественного самоуправления, средства массовой информации — выступают в качестве связующего звена между государством и индивидом, обеспечивая учет и согласование разнообразных социальных интересов. Выдающийся государствовед, академик Олег Емельянович Кутафин писал: «... главное для демократии то, что

у нас должно быть гражданское общество, то есть общество, активно участвующее в государстве и политической жизни» [6, с.5-17].

В этом контексте прокуратура Российской Федерации, обладая уникальным статусом и широкими полномочиями, занимает особое место. Ее деятельность, направленная на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, создает необходимую правовую среду для функционирования и развития гражданского общества. Таким образом, актуальность

данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления роли прокуратуры как гаранта правовых условий для диалога между государством и структурами гражданского общества.

Статус и функции прокуратуры в Российской Федерации определяются, прежде всего, Конституцией РФ. В соответствии со статьей 129 прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Базовым нормативным актом, детализирующим деятельность прокуратуры, является Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Закон закрепляет основные направления деятельности прокуратуры и детализирует полномочия прокуратуры: надзор за исполнением законов, конституционный надзор, надзор за соблюдением прав и свобод, участие в гражданском и арбитражном процессе, иные процессуальные и внесудебные функции. Последние редакции закона закрепляют и организационно-правовые механизмы взаимодействия прокуратуры с другими органами власти и обществом. А также деятельность институтов гражданского общества в России регулирует Федеральный закон «Об общественных объединениях» (№ 82-ФЗ, 1995) и Федеральный закон «О некоммерческих организациях» (№ 7-ФЗ, 1996) регулируют создание, реорганизацию, права, обязанности и государственную регистрацию соответствующих структур. Эти акты определяют правовой статус НКО и общественных объединений, которые выступают субъектами, с которыми в определённых ситуациях вступают в взаимодействие органы прокуратуры (включая надзорные процедуры, обращение в суд и т.п.).

В результате конституционной реформы 2020 г. в тексте Основного закона впервые в истории современной России появился термин «гражданское общество». Согласно подп. «е.1» п. 1 ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики». Кроме того, как отмечает В.В. Комарова, «в рамках новых конституционных ценностей целесообразно особо выделить взаимное доверие государства и общества» [3, с.1385-1387]. Указанные законодательные изменения говорят об актуальности социального партнерства, активного взаимодействия между обществом и государством, о необходимости

развития гражданского общества и увеличения его роли в государственном управлении.

Так определял гражданское общество О.Е. Кутафин: «Гражданское общество представляет собой систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллектиvos, для жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер» [6]. Из определения следует, что гражданское общество является открытой, самостоятельной и независимой системой общественных институтов. Оно создается и развивается самими гражданами независимо от государства. Самостоятельность и независимость институтов гражданского общества является одним из его ключевых признаков. Благодаря открытости, независимости и добровольности, гражданское общество постоянно развивается, что позволяет ему быстрее отвечать на новые социальные вызовы и отражать ситуацию в обществе.

Как отмечает профессор юридических наук В.В. Комарова «Общественные объединения, будучи важными элементами гражданского общества, наряду с этим функционально включены в систему властных отношений, выступают связующим звеном между государством и гражданами, обеспечивающими целостность и устойчивость государственной системы» [4]. Таким образом, государственные органы, в том числе и прокуратура, тесно связаны и обеспечивают значительное влияние на развитие и функционирование общественных объединений, как института гражданского общества. С.А. Солдатов отмечает «общественные объединения - важнейшие институты гражданского общества, самодеятельные и самоуправляющиеся ассоциации его членов, добровольно создающихся для реализации личных интересов субъектов этих организаций и через их общую зависимость и взаимосвязь для решения интересов общественных» [11].

Защита прав и свобод человека и гражданина является приоритетной функцией и центральным направлением в диалоге между прокуратурой и гражданским обществом. Прокуратура действует как универсальный правозащитный орган, уполномоченный реагировать на нарушения прав граждан со стороны любых органов и организаций. Граждане и их объединения активно используют механизм обращений в прокуратуру как эффективный инструмент восстановления своих нарушенных прав. Как подчеркивает профессор В.В. Ключков, «в условиях, когда судебная защита может быть недоступна или затруднена в силу

различных причин (экономических, психологических, процессуальных), обращение в прокуратуру зачастую становится для гражданина первым и наиболее действенным шагом к восстановлению справедливости» [2, с. 112]. Проверки, проводимые прокуратурой по жалобам граждан, инициируют устранение системных нарушений, что способствует укреплению доверия к государственным институтам со стороны общества.

Еще одним направлением взаимодействия прокуратуры с гражданским обществом является надзор за законностью деятельности общественных объединений. С одной стороны, прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законодательства самими общественными объединениями (например, Федерального закона «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях»). Это включает контроль за их регистрацией, соблюдением уставных целей, законностью финансирования. Данная функция направлена на противодействие экстремизму, отмыванию денежных средств и иным противоправным действиям под видом легитимной общественной деятельности. С другой стороны, и это представляется более значимым для развития гражданского общества, прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав самих общественных объединений со стороны государственных и муниципальных органов. Неправомерный отказ в регистрации, незаконное вмешательство в деятельность, ограничение доступа к информации — все эти нарушения являются предметом прокурорского реагирования.

Не менее важным направлением является взаимодействие с институтами общественного контроля. Прокуратура тесно взаимодействует с такими институтами, как Общественная палата РФ, общественные наблюдательные комиссии, правоохранительные организации. Это взаимодействие осуществляется в различных формах. В хрестоматии по конституционному праву российского государственного политического деятеля С.М. Шахрай указаны основные формы работы Общественной Палаты РФ. К основным функциям относятся проведение пленарных заседаний Общественной палаты РФ, заседаний совета, комиссий и рабочих групп Общественной палаты [5]. Также указано, что возможно проведение гражданских форумов и слушаний по общественно важным проблемам; дача заключений о нарушениях законодательства РФ; проведение экспертизы проектов законов РФ; проведение совместных проверок и круглых столов; рассмотрение обращений и экспертных заключений от общественных организаций; информирование гражданского общества о состоянии законности через ежегодные доклады Гене-

рального прокурора Федеральному Собранию и др. Подобное сотрудничество позволяет прокуратуре получать «обратную связь» от общества, выявлять наиболее острые социальные проблемы и более эффективно выстраивать свою надзорную работу. Из этого можно сделать вывод, что прокуратура тесно взаимодействует с гражданским обществом и их объединениями, что в свою очередь, положительно влияет на стабильность и порядок в обществе.

Исходя из целей и задач, стоящих перед прокуратурой, сложившейся практики прокурорской деятельности, к одному из институтов гражданского общества, взаимодействие с которым является для органов прокуратуры приоритетным, можно отнести средства массовой информации (далее — СМИ), которые одновременно выполняют функцию информационного обмена и коммуникаций. В деятельности прокуратуры в последние годы на первый план вышла правозащитная функция, при этом в рассматриваемой сфере органы прокуратуры не только нацелены на эффективную защиту свободы информации, но и сами активно реализуют свои полномочия по обеспечению гласности своей деятельности. СМИ — важнейший институт гражданского общества, коммуникатор и выражатель социально-экономических и политических интересов людей. Как любой институт гражданского общества, он существует только во взаимодействии с другими общественными и государственными институтами, стремится оказывать влияние на процессы, происходящие в обществе, и принятие управленических решений органами государственного и муниципального управления.

Руководством Генеральной прокуратуры Российской Федерации перед прокурорами сегодня поставлена задача лично организовывать работу по взаимодействию со СМИ и с этой целью: систематически информировать население о принимаемых органами прокуратуры мерах по укреплению законности и правопорядка, ежедневно осуществлять мониторинг местных и ведущих СМИ, а также основных интернет-сайтов в целях оперативного получения информации о нарушениях закона, чрезвычайных происшествиях и иных значимых событиях; регулярно обновлять новостную ленту интернет-представительства прокуратуры; проверять поступившие по электронной почте в интернет-приемную официального сайта обращения граждан; лично выступать с интервью по наиболее актуальным вопросам прокурорской деятельности, имеющим повышенный общественный резонанс, обеспечивая при этом взвешенный подход к отбору и подготовке информации, предаваемой гласности [9], [10]. Можно сделать вывод,

что в современных условиях тесное сотрудничество с журналистами приобретает особую значимость еще и потому, что наличие регулярных деловых контактов позволяет прокурору получать актуальные сведения до того, как они станут достоянием общественности.

Несмотря на закрепленные правовые основы, роль прокуратуры в контексте гражданского общества оценивается неоднозначно. Ряд российских ученых указывает на существующие дискуссионные аспекты и проблемы во взаимоотношениях органов прокуратуры и гражданского общества. Одной из проблемных зон является неоднозначность границ надзора. Конкретные пределы прокурорского вмешательства в деятельность НКО нередко определяются в каждом конкретном случае, что создаёт правовую неопределенность и риски злоупотреблений. Необходимы чёткие критерии для начала проверок и прозрачные процедуры реагирования. Чрезмерная опека может привести к пассивности гражданского общества и его зависимости от государства.

Еще одной правовой дилеммой являются процессуальные гарантии. При проведении проверок и возбуждении дел в отношении НКО важны процессуальные гарантии — своевременное информирование, возможность защиты, прозрачность оснований — чтобы избежать ущемления права на объединение. Исследования указывают на необходимость улучшения процедур взаимодействия.

Также проблемой выделяется контроль за балансом публичного интереса и автономии НКО. Государственный надзор преследует цели общественной безопасности и законности, однако чрезмерный контроль может подрывать автономию гражданских институтов. В работе «Взаимодействие институтов гражданского общества и прокуратуры» Галкин А.Г утверждает, что границы прокурорского надзора должны быть чётко соотнесены с принципом автономии гражданского общества [1]. Научная дискуссия предлагает выстраивать рамки надзора с учётом принципов автономии и пропорциональности.

Для совершенствования правового института взаимодействия органов прокуратуры и гражданского общества необходимо предпринять ряд мер. Ключевым решением является разработка методических рекомендаций и критериев для прокурорских проверок в отношении НКО, включающих принципы прозрачности, пропорциональности и приоритета досудебных мер (например, консуль-

таций и предписаний до начала административных санкций), (опираясь на практические предложения в научных работах). Также укрепление механизмов диалога и сотрудничества будет выполнять функцию развития гражданского общества в России [8, с.50-78]. Регулярные консультации прокуратуры с лидерами НКО, совместные образовательные проекты по правам человека и правовой безопасности, создание площадок для обмена информацией о правовых рисках. Еще одним предложением является повышение прозрачности прокурорской практики: публичная отчётность о причинах и результатах проверок НКО, стандартизованные отчёты о вмешательствах, доступные для общественного анализа (в целях укрепления доверия). Из приведенных мной предложений для совершенствования правового института взаимодействия прокуратуры и гражданского общества необходимо предпринять ряд мер.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что прокуратура Российской Федерации играет системообразующую роль в обеспечении функционирования институтов гражданского общества. Через реализацию своих надзорных полномочий, прежде всего в сфере защиты прав и свобод человека, прокуратура создает и поддерживает режим законности, который является необходимым условием для свободной и конструктивной деятельности всех элементов гражданского общества. Взаимодействие прокуратуры с общественными объединениями и институтами общественного контроля носит двусторонний характер, обогащая как правоприменительную практику, так и общественную дискуссию. Вместе с тем, для дальнейшего гармоничного развития этого взаимодействия необходимо соблюдение баланса между государственным контролем и автономией гражданских институтов, недопущение избыточного вмешательства и обеспечение прозрачности деятельности самой прокуратуры. Дальнейшее совершенствование законодательства, правоприменительной практики и реализация предложенных мер должны быть направлены на укрепление прокуратуры как независимого арбитра, гарантирующего диалог между государством и обществом на основе незыблемости закона, а также должны способствовать более гармоничному взаимодействию прокуратуры и институтов гражданского общества, укреплению правового государства и повышению доверия между государственными институтами и общественностью.

Список литературы:

[1] Галкин А. Г., Каинов А. С. Взаимодействие институтов гражданского общества и прокуратуры // Вестник КГУ. 2016. № 5.

[2] Клочков В. В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора : монография / сост. А. В. Клочкова, О. В. Пристанская ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Москва, 2012. — 262 с.

[3] Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1385–1387.

[4] Конституционно-правовой статус общественных объединений в современной России : учебное пособие для магистратуры / отв. ред. В. В. Комарова. — 2-е изд., доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 256 с.

[5] Конституционное право Российской Федерации. Хрестоматия : в 2 т. Т. I / сост. С. М. Шахрай, А. А. Клишас. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 880 с.

[6] Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008. — 720 с.

[7] Наша задача – поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным) // Юридический мир. 2006. № 12. С. 5–17.

[8] Прокурор и институты гражданского общества: некоторые аспекты взаимодействия со средствами массовой информации // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / под ред. Г. В. Штадлера. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 50–78.

[9] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23 октября 2009 г. № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Солдатов С. А. Общественные организации в Российской Федерации (политико-правовое и институциональное исследование). — М. : Юристъ, 1994. — 168 с.

References:

[1] Galkin A. G., Kainov A. S. Interaction of Civil Society Institutions and the Prosecutor's Office // Vestnik KSU. 2016. No. 5.

[2] Klochkov V. V. Actual Problems of the Theory of Legality and Prosecutor's Supervision: monograph / compiled by A. V. Klochkova, O. V. Pristanskaya; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - Moscow. - 262 p.

[3] Komarova V. V. Content and Species Diversity of the Legal Category «Constitutional Values» (Constitutional and Legal Aspect) // Advances in Modern Natural Science. 2015. No. 1-8. pp. 1385-1387.

[4] Constitutional and Legal Status of Public Associations in Modern Russia: a Textbook for Master's Degree Programs / ed. V. V. Komarova. — 2nd ed., suppl. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. — 256 p.

[5] Constitutional Law of the Russian Federation. Reader: in 2 volumes. Vol. I / compiled by S. M. Shakhrai, A. A. Klishas. — Moscow: OLMA Media Group, 2010. — 880 p.

[6] Kutafin, O. E. Russian Constitutionalism. — Moscow: Norma, 2008. — 720 p.

[7] Our Task is to Maintain the Rule of Law in the Country (interview with O. E. Kutafin, Co-Chairman of the Association of Lawyers of Russia and Rector of the Moscow State Law Academy) // Legal World. 2006. No. 12. pp. 5–17.

[8] The Prosecutor and Civil Society Institutions: Some Aspects of Interaction with the Mass Media // Current Issues of Prosecutor's Activity: Lectures / edited by G. V. Stadler. — Saint Petersburg, 2017. — Pp. 50–78.

[9] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of October 23, 2009 No. 341 «On the Interaction of the Prosecutor's Office with the Mass Media» // SPS «ConsultantPlus».

[10] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of May 31, 2011 No. 153 «On the Organization of Work to Ensure Access to Information about the Activities of the Bodies and Institutions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

[11] Soldatov S. A. Public Organizations in the Russian Federation (Political, Legal and Institutional Research). — Moscow: Jurist, 1994. — 168 p.

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-54-57

ДУБОВИХИН Денис Борисович,
адъюнкт, Академия управления МВД России,
г. Москва,
e-mail: bobi3177@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ НА РАЙОННОМ УРОВНЕ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования обуславливается сложностью современной обстановки, в которой территориальные органы МВД России на районном уровне решают задачи охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности. Вопрос правового регулирования взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления в сфере обеспечения правопорядка в настоящее время недостаточно урегулирован. Высказано предложение об оптимизации взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления в сфере обеспечения правопорядка.

Ключевые слова: территориальные органы МВД России на районном уровне, органы местного самоуправления, взаимодействие, охрана общественного порядка, общество.

DUBOVIKHIN Denis Borisovich,
postgraduate officer;
Management Academy of the
Ministry of the Interior of Russia, Moscow

OPTIMIZATION OF LEGAL REGULATION OF INTERACTION OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AT THE DISTRICT LEVEL WITH LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Annotation. The article discusses the issue of legal regulation of the interaction of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level with local self-government bodies in the field of law enforcement. A proposal is made to optimize the interaction of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level with local self-government bodies in the field of law enforcement.

Key words: territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, local self-government bodies, interaction, protection of public order.

Эффективное взаимодействие территориальных органов МВД России с органами местного самоуправления является важным элементом и обязательным условием в достижении общественной безопасности в стране [1, с. 118]. Совместная деятельность названных структур способствует повышению уровня защищенности граждан, что укрепляет доверие граждан страны к органам власти. Взаимодействие вышеназванных органов регламентируется достаточно большим

перечнем нормативных правовых актов, основными из которых являются Конституция Российской Федерации [2], Федеральные законы «О полиции» [3], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [5], «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [6], однако несмотря на это существуют ряд

проблем, связанных с правовым регулированием данного взаимодействия, которое требуют решения.

В последние годы и особенно с начала проведения специальной военной операции возросла активность различных группировок и отдельных граждан, чья деятельность направлена на дестабилизацию и провоцирование «цветных революций» в стране. Деструктивные силы путемброса «фейковой» информации в различные социальные медиа Интернета пытаются дестабилизировать общество. В этой связи как утверждают теоретики и практики, эффективность взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов должна осуществляться на высоком уровне. Вопросы организации взаимодействия территориальных органов МВД России, органов государственной власти, органов местного самоуправления должны быть в центре внимания [7, с. 92], взаимодействие здесь выступает как интегрирующий фактор для достижения необходимого результата [8, с. 196]. Однако правовая база, регулирующая взаимодействие вышеуказанных органов, остается недостаточно проработанной. Несовершенство нормативного правового регулирования приводит к снижению эффективности в совместной работе обеих сторон.

Как ранее уже было отмечено существенным недостатком взаимодействия, в рамках нормативного правового регулирования, является отсутствие конкретного нормативного правового акта, который регулировал бы взаимодействие территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления. Несмотря на то, что в названных выше Федеральных законах хоть и содержатся положения о взаимодействии, однако сформулированы они либо достаточно узко, либо носят неопределенный характер. Все это создает правовые пробелы, тем самым затрудняет практическую реализацию совместных мероприятий и как итог эффективность такого взаимодействия будет крайне низкой.

Еще одним недостатком взаимодействия является отсутствие унифицированных подходов и стандартов между территориальными органами МВД России на районном уровне и органами местного самоуправления. В разных регионах страны подходы к взаимодействию могут существенно различаться, что предполагает под собой различный конечный результатам в обеспечении охраны общественного порядка [9, с. 153]. На территориях, где во взаимодействии будут заинтересованы обе стороны, соответственно результаты будут выше, где взаимодействие осуществляется посредственно, естественно и результаты взаимо-

действия будут на низком уровне. Таким образом отсутствие единых минимальных стандартов, как нам представляется, не способствует эффективной деятельности взаимодействия.

Взаимный обмен информацией между территориальными органами МВД России на районном уровне и органами местного самоуправления также «оставляет желать лучшего». Недостаток обмена информацией о совершаемых преступлениях, правонарушениях, иных угрозах общественной безопасности на территории муниципального образования, может приводить к задержкам в принятии необходимых мер для их профилактики и предупреждения, а также снижению эффективности совместных действий.

Для устранения правовых пробелов как нам представляется необходимо внести в действующие нормативные правовые акты изменения, либо разработать и принять новый нормативный правовой акт взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка. Новый нормативный правовой акт должен содержать в себе четкие процедуры координации действий, механизм распределения полномочий и ответственности, а также механизмы контроля за исполнением мероприятий.

Внедрение единых стандартов и процедур в ходе взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления позволит обеспечить единообразие подходов к взаимодействию в разных регионах страны. Следовательно внедрение единых стандартов приведет к возможности объективной оценки данной деятельности двух взаимодействующих органов и как результат повышение эффективности взаимодействия, что позволит более рационально использовать имеющиеся человеческие и материальные ресурсы взаимодействующих сторон.

В целях оптимизации информационного обмена между территориальными органами МВД России на районном уровне и органами местного самоуправления необходимо разработать эффективный механизм способный обеспечить оперативный, безопасный и бесперебойный обмен информацией. Применение современных цифровых информационно-телекоммуникационных технологий позволит своевременно реагировать на внезапно возникающие угрозы общественной безопасности, а также принимать меры профилактического характера и повышать уровень защищенности граждан [10, с. 173].

В заключение следует отметить, что оптимизация правового регулирования деятельности по

взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления является немаловажным аспектом. Разработка и принятие нормативного акта, внедрение единых стандартов, совершенствова-

ние информационного обмена все эти меры позволяют повысить эффективность взаимодействия и обеспечить более высокий уровень общественной безопасности и защищенности общества.

Список литературы:

- [1] Кононов А.М., Петрова О.В. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне с государственными органами и негосударственными организациями // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 118.
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/news/> (дата обращения 01.12.2025).
- [3] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).
- [4] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/news/> (дата обращения 01.12.2025).
- [5] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2025).
- [6] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2025).
- [7] Кононов А. М. Органы внутренних дел Российской Федерации в свете новых вызовов и угроз / А. М. Кононов // Академическая мысль. – 2024. – № 4(29). – С. 89-93.
- [8] Захватов И.Ю. Проблемы взаимодействия территориальных органов МВД России с иными правоохранительными структурами и органами власти субъектов Российской Федерации в процессе обеспечения региональной безопасности / И.Ю. Захватов, С.А. Потапова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 196.
- [9] Захватов И.Ю. Проблемы взаимодействия территориальных органов МВД России с органами местного самоуправления в условиях Северо-Кавказского федерального округа / И.Ю. Захватов, М. И. Мисирбиеев // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 151-154.
- [10] Миронов Р.Г. Взаимодействие правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности: Монография / Р.Г. Миронов : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2022. – 183 с.

References:

- [1] Kononov A.M., Petrova O.V. On the Application of the Concepts of «Interaction» and «Cooperation» in Agreements of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its Territorial Bodies at the Regional Level with State Agencies and Non-Governmental Organizations // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (49). P. 118.
- [2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information of the Russian Federation. URL: <http://pravo.gov.ru/news/> (date accessed 01.12.2025).
- [3] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ «On Police» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 01.12.2025).
- [4] Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ «On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information of the Russian Federation. URL: <http://pravo.gov.ru/news/> (accessed: 01.12.2025).
- [5] Federal Law of 21 December 2021 No. 414-FZ «On the General Principles of Public Authority Organization in the Constituent Entities of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 02.12.2025).

[6] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 02.12.2025).

[7] Kononov A. M. Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Light of New Challenges and Threats / A. M. Kononov // Academic Thought. - 2024. - No. 4 (29). - P. 89-93.

[8] Zakhvatov I. Yu. Problems of Interaction between Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Other Law Enforcement Agencies and Authorities of the Subjects of the Russian Federation in the Process of Ensuring Regional Security / I. Yu. Zakhvatov, S. A. Potapova // Civil Service and Personnel. – 2021. – No. 4. – P. 196.

[9] Zakhvatov I. Yu. Problems of interaction between territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and local governments in the conditions of the North Caucasus Federal District / I. Yu. Zakhvatov, M.I. Misirbiev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 12. – P. 151-154.

[10] Mironov R.G. Interaction of law enforcement agencies to ensure national security: Monograph / R.G. Mironov: OOO «Scientific Publishing Center Infra-M», 2022. – 183 p.



ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-58-61

ЯЛЫШЕВА Анастасия Владимировна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: tkachuk-a@internet.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ РАЗБОЯ В СИСТЕМЕ ФОРМ ХИЩЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ разбоя как одной из наиболее опасных форм хищения чужого имущества. Рассматриваются теоретические и практические проблемы разграничения разбоя и грабежа, квалификации момента окончания преступления, оценки признаков организованной группы и применения насилия. Исследуются спорные вопросы судебной практики и доктринальные подходы с учетом последних изменений в уголовном законодательстве РФ. На основе изучения современных научных позиций и материалов судебной практики предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: разбой, грабеж, хищение, насилие, опасное для жизни или здоровья, квалификация, уголовная ответственность, организованная группа, судебная практика.

YALYSHEVA Anastasia Vladimirovna,
Student of the Crimean branch
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

QUALIFICATION OF ROBBERY IN THE SYSTEM OF FORMS OF THEFT: THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of robbery as one of the most dangerous forms of theft of another's property. Theoretical and practical problems of distinguishing robbery from assault with intent to rob, qualifying the moment of the crime's completion, assessing the signs of an organized group, and applying violence are considered. Controversial issues of judicial practice and doctrinal approaches are explored, taking into account recent changes in the criminal legislation of the Russian Federation. Based on the study of modern scientific positions and materials of judicial practice, ways to solve the identified problems are proposed.

Key words: robbery, assault with intent to rob, theft, violence, dangerous to life or health, qualification, criminal liability, organized group, judicial practice.

Разбой, предусмотренный статьей 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), занимает особое место в системе преступлений против собственности. Законодатель определяет его как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Высокая степень общественной опасности данного деяния обусловлена двуобъективным характером посягательства:

помимо собственности, объектом преступления выступают жизнь и здоровье потерпевшего. Несмотря на кажущуюся четкость законодательной конструкции, квалификация разбоя на практике сопряжена с рядом существенных проблем теоретического и прикладного характера.

Центральной проблемой, вызывающей непрекращающиеся дискуссии в доктрине и разночтения в судебной практике, является ограничение разбоя от грабежа, соединенного с насилием (ста-

тья 161 УК РФ) [1]. Критерием разграничения служит характер примененного насилия: для разбоя оно должно быть опасным для жизни или здоровья, для грабежа – не опасным. Однако оценка характера насилия в конкретной ситуации зачастую является субъективной и сложной. Согласно сложившейся судебной практике, к насилию, опасному для жизни или здоровья, относится такое, которое повлекло причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, а также иное насилие, которое в момент причинения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [2]).

На это указывает и А.И. Чучаев, подчеркивая, что «опасность для жизни или здоровья оценивается не по фактически наступившим последствиям, а по способу посягательства, избранному виновным» [9]. На практике это приводит к сложным ситуациям. Например, если преступник наносит один удар кулаком в голову, от которого потерпевший падает, теряя на короткое время сознание, но видимых повреждений не остается. Одни суды могут квалифицировать это как разбой, поскольку удар в голову создает реальную опасность для жизни, другие – как грабеж, соединенный с насилием, не опасным для здоровья, если не установлено причинение конкретного вреда здоровью.

Е.В. Благов отмечает, что «судебная практика не всегда последовательна в оценке реальной опасности насилия, что требует более детального анализа обстоятельств каждого конкретного дела» [3].

Особую сложность представляет квалификация угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Для констатации разбоя недостаточно простой угрозы, например, слова «убить». Угроза должна быть реальной, непосредственной и восприниматься потерпевшим как осуществимая в данный момент.

Демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия (например, бритвы, отвертки, палки), является безусловным признаком разбоя, даже если виновный не намеревался их применять, поскольку такая демонстрация сама по себе создает опасность для жизни и здоровья. Проблема возникает, когда предмет, используемый для угрозы, не был воспринят потерпевшим либо, когда угроза была высказана без демонстрации каких-либо предметов. В таких случаях суды должны тщательно исследовать субъективное восприятие угрозы потерпевшим и объективную способность виновного реализовать эту угрозу. Как справедливо замечает С.В. Скляров, «реальность

угрозы определяется не только намерениями виновного, но и всей объективной обстановкой совершения преступления» [8].

Следующей ключевой проблемой является определение момента окончания разбойного нападения. В соответствии с устоявшейся правовой позицией, разбой считается оконченным преступлением с момента начала нападения, даже если виновному не удалось завладеть имуществом. Это формально-материальный состав, где законодатель, учитывая повышенную общественную опасность, перенес момент окончания на стадию покушения на хищение. Данная конструкция рождает проблему квалификации действий виновного, который, начав нападение с применением опасного насилия, затем, не сумев преодолеть сопротивление потерпевшего, отказывается от своих намерений и скрывается. С точки зрения закона, его действия образуют оконченный состав разбоя. Однако на практике возникает вопрос о возможности применения норм о добровольном отказе, которые в соответствии со статьей 31 УК РФ неприменимы к оконченному преступлению.

Большинство авторов, включая П.Н. Панченко, разделяют позицию, согласно которой «в связи с перенесением момента окончания на стадию покушения, добровольный отказ при разбое возможен только до момента начала нападения» [7]. Это создает несправедливо жесткую уголовно-правовую оценку, когда лицо, фактически не завладевшее имуществом и отказавшееся от продолжения преступления, все равно несет ответственность за оконченный разбой.

Значительные сложности связаны с квалификацией разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (пункты «а» и «в» части 2 статьи 162 УК РФ). Признак группы лиц по предварительному сговору при разбое предполагает, что все участники непосредственно участвуют в нападении, применяя насилие или угрожая его применением. Если же один из соучастников лишь содействует преступлению (стоит на страже, обеспечивает транспорт), не участвуя в нападении, его действия не могут быть квалифицированы как соисполнение разбоя группой лиц по предварительному сговору. В этом случае имеет место пособничество, а квалификация действий исполнителей не требует ссылки на пункт «а» части 2 статьи 162 УК РФ.

Более сложной является квалификация разбоя, совершенного организованной группой (пункт «в» части 4 статьи 162 УК РФ). Организованная группа характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей и направленностью на совершение

одного или нескольких преступлений. Проблема заключается в том, что суды зачастую формально подходят к установлению признака устойчивости, ограничиваясь констатацией предварительного сговора и совместного совершения одного преступления.

А.П. Кругликов указывает, что «устойчивость группы должна подтверждаться доказательствами, свидетельствующими о длительности ее существования, подготовке к совершению преступлений, наличии организатора, единого плана действий» [5].

На практике же нередки случаи, когда группа, созданная для совершения одного разбоя, но тщательно его подготовившая, ошибочно или избыточно признается организованной, что влечет ужесточение ответственности.

Особую дискуссию вызывает квалификация разбоя, сопряженного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (пункт «в» части 4 статьи 162 УК РФ). Данный квалифицирующий признак требует установления причинной связи между нападением с целью хищения и наступившими последствиями в виде тяжкого вреда здоровью. Проблема возникает в ситуациях, когда тяжкий вред здоровью причиняется по неосторожности в процессе применения насилия. Например, виновный, нанося удары с целью подавить сопротивление, не желает, но предвидит возможность причинения тяжкого вреда и безразлично относится к этому, либо не предвидит, но должен и мог предвидеть. В доктрине существует две основные позиции.

Согласно первой, разбой охватывает умысел только на завладение имуществом, а причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности не требует дополнительной квалификации по статье 111 УК РФ, поскольку является способом применения насилия.

Согласно второй позиции, которую разделяет, в частности, В.В. Мальцев, «вина в отношении последствий в виде тяжкого вреда здоровью должна быть установлена отдельно, и при неосторожной форме вины содеянное требует квалификации по совокупности преступлений – как разбой и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ)» [6]. Судебная практика по данному вопросу также не отличается единообразием, что создает правовую неопределенность.

Актуальной проблемой является оценка стоимости похищенного имущества при разбое. В отличие от кражи, мошенничества или грабежа, где размер хищения является обязательным признаком состава и влияет на квалификацию (простой, значительный, крупный, особо крупный),

при разбое стоимость похищенного не является признаком основного состава. Она учитывается лишь при назначении наказания в рамках санкции статьи 162 УК РФ. Однако на практике возникает вопрос: если в результате разбойного нападения виновному не удалось завладеть имуществом либо был причинен ущерб в незначительном размере, должен ли этот факт учитываться судом как смягчающее обстоятельство?

Н.Г. Кадников полагает, что «отсутствие имущественного ущерба или его незначительность не могут рассматриваться как обстоятельство, существенно снижающее общественную опасность разбоя, поскольку основной ущерб причиняется отношениям личности – жизни и здоровью» [4]. Тем не менее, в соответствии с принципом справедливости (статья 6 УК РФ) суд при назначении наказания обязан учитывать характер и степень общественной опасности преступления, и фактически не достигнутая цель хищения может быть учтена в пользу виновного.

Еще один спорный момент касается квалификации действий, когда насилие, опасное для жизни или здоровья, применяется после тайного или открытого хищения имущества с целью его удержания или во избежание задержания. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, если хищение первоначально было совершено без насилия (кража, грабеж), а затем виновный применяет опасное насилие для удержания похищенного, содеянное не должно переквалифицироваться на разбой. В таких случаях действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений – как грабеж (или кража) и соответствующее преступление против личности (например, умышленное причинение вреда здоровью). Однако на практике грань между нападением как способом хищения и насилием как способом удержания имущества может быть весьма тонкой. Если насилие является продолжением единого умысла на завладение имуществом и применяется непосредственно в процессе хищения, суды обоснованно квалифицируют содеянное как разбой.

Таким образом, квалификация разбоя сопряжена с необходимостью решения ряда сложных теоретических и практических задач. К ним относятся: разграничение насилия, опасного и не опасного для жизни или здоровья; оценка реальности угрозы; определение возможности добровольного отказа; установление признаков организованной группы; квалификация последствий в виде тяжкого вреда здоровью; учет размера причиненного ущерба. Для обеспечения единообразия судебной практики и соблюдения принципов законности и справедливости необходима дальнейшая детали-

зация разъяснений Верховного Суда РФ по данным вопросам, а также более глубокое научное осмысление спорных аспектов состава разбоя с учетом современных тенденций преступности и правоприменения. Исследование показало, что,

несмотря на наличие устоявшихся подходов, многие проблемы носят латентный характер и требуют повышенного внимания правоприменителя к конкретным обстоятельствам дела.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
- [3] Благов Е.В. Насильственные преступления против собственности: проблемы квалификации и назначения наказания // Российский следователь. 2021. № 5. С. 110-114.
- [4] Кадников Н.Г. Квалификация преступлений против собственности: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2022. 256 с.
- [5] Кругликов А.П. Преступления против собственности в современном уголовном праве России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2021. 320 с.
- [6] Мальцев В.В. Уголовно-правовая оценка насилия в преступлениях против собственности // Законность. 2022. № 8. С. 199-203.
- [7] Панченко П.Н. Добровольный отказ от совершения преступления при формальных составах // Вестник уголовного права. 2023. № 1(25). С. 89-96.
- [8] Скляров С.В. Проблемы квалификации разбоя и вымогательства, сопряженных с насилием // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4(125). С. 75-82.
- [9] Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Контракт, 2023. 864 с.

References:

- [1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
- [2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery »//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2.
- [3] Blagov E.V. Violent crimes against property: problems of qualification and sentencing//Russian investigator. 2021. № 5. S. 110-114.
- [4] Kadnikov N.G. Qualification of crimes against property: problems of theory and practice. M.: Yurlitinform, 2022. 256 s.
- [5] Kruglikov A.P. Crimes against property in modern criminal law of Russia. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House «Legal Center Press,» 2021. 320 s.
- [6] Maltsev V.V. Criminal law assessment of violence in crimes against property//Legality. 2022. № 8. PP. 199-203.
- [7] Panchenko P.N. Voluntary refusal to commit a crime with formal compositions//Bulletin of Criminal Law. 2023. № 1(25). S. 89-96.
- [8] Sklyarov S.V. Problems of qualification of robbery and extortion associated with violence//Actual problems of Russian law. 2022. № 4(125). S. 75-82.
- [9] A.I. Chuchaev. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized). M.: Contract, 2023. 864 pp.

ШИШНЁВ Д.Ю.,
слушатель 2 факультета
Академии управления МВД России
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
МОРГУН Д.О.,
доцент кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России
e-mail: info@law-books.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Аннотация. Автором рассматриваются особенности предупреждения преступлений органами внутренних дел на объектах транспорта на основе анализа основных положений нормативно-правовых документов Министерства внутренних дел России, регламентирующих организацию работы сотрудников полиции на транспортных узлах различного типа. Особое внимание уделяется выявлению специфики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, поскольку именно эта категория правонарушений составляет значительную долю от общего числа противоправных действий на объектах транспортного комплекса. Основное содержание исследования сосредоточено на разработке эффективных мер профилактики краж и иных преступлений против собственности пассажиров и перевозимых грузов. Целью данного исследования является выявление основных тенденций развития преступности на транспорте и предложение научно обоснованных рекомендаций органам внутренних дел по совершенствованию системы предупреждения нарушений законности на указанных объектах.

Ключевые слова: полиция, предупреждение преступлений, ГУТ МВД России, линейный отдел, транспорт, железнодорожный транспорт.

SHISHNEV D.Yu.,
Student, Faculty 2,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Academic Supervisor:
MORGUN D.O.,
Associate Professor, Department of Criminal Policy
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIME PREVENTION BY INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AT TRANSPORT FACILITIES

Annotation. The author examines the features of crime prevention by law enforcement agencies at transport facilities based on an analysis of the main provisions of normative legal documents of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulating the organization of police officers' work at various types of transport hubs. Special attention is paid to identifying the specifics of crimes committed on rail transport since this category of offenses constitutes a significant share of the total number of illegal actions in the transport sector. The core content of the study focuses on developing effective measures for preventing thefts and other property-related crimes against passengers and transported cargo. The aim of this research is to identify key trends in transportation crime development and provide scientifically grounded recommendations to law enforcement bodies for improving the system of preventing violations of legality at these objects.

Key words: police, crime prevention, MDT of the MIA of Russia, line department, transport, railway transport.

Транспорт является одной из крупнейших базовых отраслей экономики, обеспечивающей географическую связь между территориями страны и экономическую связь во всех отраслях экономики [1]. В сфере обеспечения развития транспортной системы каждое государство без исключения обязано обеспечивать безопасность на транспорте для граждан, в том числе снижение рисков причинения вреда жизни и здоровью при пользовании объектами транспортной инфраструктуры, и безопасность перевозок грузов. Актуальность выбранной тематики обусловлена необходимостью повышения эффективности правоохранительной деятельности в сфере обеспечения правопорядка на транспорте. Современные реалии требуют постоянного совершенствования методов выявления и предотвращения криминальных проявлений, особенно на объектах повышенной общественной значимости, таких как транспортные узлы и вокзалы, так как это основные артерии страны.

Обеспечение правопорядка на железнодорожном (за исключением метрополитена), водном и воздушном транспорте осуществляется силами специального структурного подразделения МВД России – Главного управления на транспорте (ГУТ) МВД России [2] и его территориальных органов [3] (специализированных отделов, отделений, групп в составе линейных управлений (отделов)). В качестве одной из их основной функции является предупреждение преступлений.

При этом А.П. Пикчур акцентирует внимание на том, что, в соответствии с местом, на котором располагается рассматриваемая функция при перечислении функций линейного органа, она не является основной [4]. Вместе с тем, она указывает, что функция предупреждения выполняется в ходе осуществления основной функции – обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, путем изъятия поддельных документов, предметов, запрещенных в обороте, обнаружения мест несанкционированного доступа посторонних лиц в технологические и перевозочные секторы объектов транспортной инфраструктуры.

Начальник ГУТ МВД России О.В. Калинкин отмечает, что особенность объектов транспортной инфраструктуры заключается в массовости передвижения населения, повышенном риске совершения преступлений против имущества граждан и организаций, включая хищение вещей и грузов, мошенничество, вымогательство и другие формы корыстных посягательств, а также что среди всех преступлений на транспорте большая их часть совершается на железнодорожном транспорте (при мерно 70 %), а меньше всего – на водном транс-

порте (3 %). Треть всех преступлений составляют хищения, в основном – кражи. Также к распространенным преступлениям относятся преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств [5].

Н.Н. Потапова указывает, что предупреждение преступности является системной деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации, включающей в себя общее, специальное и индивидуальное предупреждение [6].

Поскольку наиболее распространенными преступлениями в настоящее время являются хищения на железнодорожном транспорте, профилактика должна быть направлена не только на предотвращение преступлений вообще (общей), но и определенных их видов с учетом специфики вида транспорта (специальной).

Общепрофилактическая деятельность линейных отделов включает в себя ежедневно осуществляемые мероприятия: работа с информацией, в том числе со статистическими данными о совершаемых и совершенных преступлениях, постановка целей и задач деятельности подразделения, и каждого сотрудника индивидуально, контроль результатов с последующей корректировкой направлений их оперативно-служебной деятельности. Так, работа с информацией о совершенных преступлениях позволяет выявить места, где чаще всего совершаются и могут быть совершены преступления в дальнейшем, способы совершения преступлений, лиц, которые могут совершить преступления и иные особенности, в том числе и географические, позволяющие проводить профилактическую работу.

Многие эффективные меры профилактики преступлений могут не зависеть от сотрудников органов внутренних дел. Например, это относится к установке видеонаблюдения в отдаленных частях технологических секторов объектов транспортной инфраструктуры, размещению и составу иных технических средств, препятствующих несанкционированному проникновению посторонних лиц, установление границ зоны безопасности объекта, проверка лиц, принимаемых на работу [7] и т.д.

Поскольку железнодорожный транспорт, на котором совершается наибольшее количество преступлений, обладает своей собственной спецификой, ведение профилактической деятельности так же должно учитывать эту специфику. В настоящее время, согласно данным, размещенным на официальном сайте в сети Интернет ГУТ МВД России по Уральскому федеральному округу в разделе «Профилактика преступности», осуществляются следующие профилактические мероприятия:

- информирование граждан;
- проведение информационно-профилактической акции «Бдительный пассажир»;
- проведение информационно-разъяснительной работы с прибывшими в Российскую Федерацию иностранными гражданами;
- выявление и задержание лиц, нарушивших миграционное законодательство;
- проведение профилактических бесед с несовершеннолетними;
- организация познавательных патриотических мероприятий с несовершеннолетними [8].

Анализ раздела показал, что наиболее часто применяемой формой профилактической деятельности с гражданами является проведение информационно-профилактической акции «Бдительный пассажир», направленная на предотвращение совершения краж. Она состоит в информировании пассажиров о наиболее эффективных способах самостоятельного препятствования совершению имущественных преступлений и вручении памяток-цветных буклетов. В памятках представлена информация о правильном хранении личных вещей во время нахождения на объектах транспортной инфраструктуры, правильном не-виктимном поведении во время поездок. Также указаны номера телефонов, при обращении по которым граждане могут получить помочь в случае совершения в отношении них преступления.

Кроме того, полагаем, что сотрудники линейных отделов должны проходить специальную подготовку по предупреждению преступлений на

определенных видах транспорта. Этую подготовку необходимо осуществлять по специально разработанным программам и планам предупреждения преступлений (по видам преступлений), что требует надлежащего методического обеспечения.

Таким образом, можно отметить, что предупреждение преступлений на транспорте имеет комплексный характер и требует межведомственного взаимодействия правоохранительных структур, государственных служб и частных охранных предприятий. Основной задачей органов внутренних дел является разработка действенных механизмов профилактики преступлений путем реализации превентивных мероприятий, направленных на снижение уровня криминогенной активности на территории станций, аэропортов, морских и речных портов. При этом качество этой деятельности во многом зависит от ее субъектов и наличия методического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Поскольку большая часть преступлений совершается на железнодорожном транспорте в связи с особенностями каждого из видов транспорта, представляется целесообразным инициировать разработку методических рекомендаций и инструкций специально предназначенных для объектов железнодорожного транспорта. Также считаем, что необходимо стимулировать сотрудников линейных отделов к исключению формального подхода при проведении профилактических мероприятий, предполагающих непосредственное взаимодействие с гражданами.

Список литературы:

- [1] Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.
- [2] Приказ МВД России от 16.06.2011 № 680 (ред. от 06.07.2022) «Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Приказ МВД России от 15.06.2011 № 636 (ред. от (ред. от 23.11.2021) «Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» (зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2011 № 21590). // СПС «КонсультантПлюс».
- [4] Пичкур А.П. Полиция как субъект обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 115-119.
- [5] Глава транспортной полиции Олег Калинкин: в России снижается преступность на транспорте - Интервью ТАСС // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/interviews/17120101> (дата обращения 10.07.2024).
- [6] Потапова Н.Н., Долгачева О.И. К вопросу о предупреждении преступлений, совершаемых на объектах транспорта // Право и образование. 2019. № 2. С. 78-83.
- [7] Постановление Правительства РФ от 21.12.2020 № 2201 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий

объектов транспортной инфраструктуры дорожного хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть II). Ст. 8878.

[8] Новости // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ympf.mvd.ru/novosti/rubric/1072/> (дата обращения 10.07.2024).

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-r «On the Transport Strategy of the Russian Federation through 2030 with a Forecast for the Period through 2035» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 50 (Part IV). Art. 8613.

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 16, 2011 No. 680 (as amended on July 6, 2022) «On Approval of the Regulation on the Main Directorate for Transport of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.» // SPS «ConsultantPlus».

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 15, 2011, No. 636 (as amended on November 23, 2021) «On Approval of the Model Regulations on the Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Rail, Water, and Air Transport» (registered with the Ministry of Justice of Russia on August 10, 2011, No. 21590). // SPS «ConsultantPlus».

[4] Pichkur, A.P. Police as a Subject of Ensuring Security in Railway Transport // Agrarian and Land Law. 2023. No. 11 (227). Pp. 115-119.

[5] Head of the Transport Police, Oleg Kalinkin: Crime in Transport is Decreasing in Russia - TASS Interview // [Electronic Resource]. - URL: <https://tass.ru/interviews/17120101> (Accessed July 10, 2024).

[6] Potapova N.N., Dolgacheva O.I. On the Issue of Preventing Crimes Committed at Transport Facilities // Law and Education. 2019. No. 2. pp. 78-83.

[7] RF Government Resolution No. 2201 of December 21, 2020 «On Approval of Requirements for Ensuring Transport Security, Including Requirements for the Anti-Terrorist Protection of Facilities (Territories), Taking into Account Security Levels for Various Categories of Road Transport Infrastructure Facilities» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (Part II). Article 8878.

[8] News // [Electronic resource]. – URL: <https://ympf.mvd.ru/novosti/rubric/1072/> (Accessed July 10, 2024).



ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-66-69

ЧИГАРЕВ Борис Алексеевич,
студент Юридического факультета
Института права и национальной безопасности
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва,
e-mail: lysa.chigareva@mail.ru

ПАПОЦЕЗАРИЗМ И ЦЕЗАРОПАПИЗМ КАК ФАКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ГЕНЕЗИСА

Аннотация. В цивилизационном генезисе любого общества определяющую роль играет религиозные особенности его организации. Религия является онтологическим ядром цивилизаций, определяя очертания политической, экономической и правовой природы обществ. Религия формирует ценности, философию и само целеполагание существование социумов в определённый исторический период, когда именно вера есть главный источник смыслов. В дальнейшем данная онтология так или иначе трансформируются, меняют свою форму, но сохраняя свою бытийную сущность. Примером является концепция естественного права, ставшая плодом античной философии и развившаяся в Средневековье в Западной Европы в рамках христианской теологии, в Новое Время юснатурализм секуляризировался, став составной частью либеральной традиции. В период «социального доминирования» религиозных институтов особенно важна форма организации религии, тот субъект, который генерирует духовные концепции, делая их социальной реальностью. В христианских обществах данную функцию выполняла Церковь. Организация этого института, а значит и его место в социальном пространстве, отличалась в католическом и православном социумах. Если в католическом Мире сложилась система папоцезаризма, трансформировавшегося в дуализм светской и духовной власти, то в Мире православном сформировалась система цезаропапизма, суть которого заключалась в слиянии Церкви и государства. Вызвано это было различием векторов исторического развития варварских государств Западной Европы и наследника Римской Империи – Византии. Сформированные к началу Великой Схизмы формы взаимодействия предопределили расхождение цивилизационных идентичностей Запада и Востока и цивилизационное определение России.

Ключевые слова: папоцезаризм, цезаропапизм, цивилизационный генезис..

CHIGAREV Boris Alekseevich,
student Faculty of Law
of the Institute of Law and National Security
of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow

PAPOCESARISM AND CAESAROPAPISM AS FACTORS OF CIVILIZATIONAL GENESIS

Annotation. In the civilizational genesis of any society, the religious peculiarities of its organization play a decisive role. Religion is the ontological core of civilizations, defining the outlines of the political, economic and legal nature of societies. Religion forms values, philosophy and goal-setting itself the existence of societies in a certain historical period, when faith is the main source of meanings. In the future, this ontology is transformed one way or another, changing its form, but retaining its being essence. An example is the concept of natural law, which became the fruit of ancient philosophy and developed in the Middle Ages in Western Europe within the framework of Christian theology, in Modern Times usnaturalism secularized, becoming an integral part of the liberal tradition. During the period of «social dominance» of religious institutions, the form of organization of religion, the subject that generates spiritual concepts, making them a social reality, is especially important. In Christian societies, this function was performed by the Church. The organization

of this institution, and hence its place in the social space, differed in Catholic and Orthodox societies. If in the Catholic World there was a system of papocesarism, transformed into a dualism of secular and spiritual power, then in the Orthodox World a system of Caesaro-papism was formed, the essence of which was the fusion of Church and state. This was caused by the difference in the vectors of the historical development of the barbarian states of Western Europe and the successor of the Roman Empire – Byzantium. The forms of interaction formed by the beginning of the Great Schism predetermined the divergence of the civilizational identities of the West and the East and the civilizational definition of Russia.

Key words: *papocesarism, caesaro-papism, civilizational genesis.*

В условиях разрыва государственных структур Западной Римской Империи власть Папы Римского изначально была сильна не ограничивалась границами какого-то отдельного государственного образования, что подкреплялось мифологемой «Константина дара», и к моменту Великой Схизмы папская власть стала реальным конкурентом любого светского властителя, в том числе, Императора Священной Римской Империи. Образовалась система папоцезаризма – смешения политического, духовного и интеллектуального влияния в сторону Церкви и Папы. Это приводило к политико-правовому дуализму светской и духовной власти, к их конкуренции между собой, что в свою очередь сформировало предпосылки для цивилизационной самости Западной Цивилизации – цивилизации расщепления центров силы и постоянной борьбы этих центров. То есть на Западе, начиная с данного периода, нет единой власти, но есть власть «рассеянная» между разными акторами, которые в разные эпохи меняли свою форму, будь то Церковь и светская власть, монарх и парламент, государство и гражданское общество – на всех исторических этапах западного социума власть не могла концентрироваться в одних руках. На этом основании зиждется западная демократия, интеллектуальный плюрализм, (корнем которого была борьба концептов, обосновавших первостепенность светской или духовной власти) и правовая система, предполагающая наличие в социальном пространстве множества субъектов (то есть «расщепление» власти), находящихся в свободных и равных отношениях. Так, именно борьба двух «полюсов» привела к развитию юридической теории ввиду того, что обеим сторонам нужно было концептуальное основание своей власти, что, в частности, выразилось в бурном развитии европейских университетов, в которых и светская власть, и Церковь видели потенциальный источник идейного обоснования своего политического, юридического и духовного превосходства. И уже в рамках деятельности университетов, прежде всего, Болонского Университета, произошла интеллектуальная революция, ставшая предтечей формирования институтов современного общества. Так, усилиями гlosсаторов началась рецепция римского права, а поддерживаемая Католи-

ческой Церковью теологическая и философская мысль развила учение о естественном праве.

Нужно, однако, сказать, что в истории папства были разные периоды, в которые Папа так или иначе находился в зависимости от различных внешних политических сил. Так, влияние на Папу имел Карл Великий, который сделал обязательной для Пап клятву на верность Императору. После падения Империи франков в истории Папства начался период «порнократии» – власти местного римского дворянства, представительницы которого назначали на должность Папы своих фаворитов. Однако, во всех случаях Папство смогло возродить свой авторитет и власть, причиной чему стал особый статус Папы в христианском Мире. Папа Римский воспринимался как абсолютный глава Церкви, соответственно, глава всех христиан, что делало Папу главным фактором легитимизации власти светских правителей. Сохранение духовного единства западного христианства позволяла даже в сложные для Папы времена сохранять свою религиозный авторитет, который конвертировался в политическую власть в рамках средневекового общества [1]. Немаловажную роль в обретении независимости Папства играл тот факт, что в Западном Мире на длительные периоды не сформировалось гегемонии одного политического центра. Это позволяло папам лавировать между разными центрами влияния, сохраняя свою субъектность и добиваясь своих стратегических целей. Примером тому являлись отношения Папы и первого Императора Священной Римской Империи Оттона Великого, который в целях придания своему новому титулу духовного и политического веса обратился к Папе для своей коронации. Хорошие отношения с Папой и властью, освященная его авторитетом, гарантировала Оттону признание его власти всем западным христианским Миром. Хоть в дальнейшем начался новый конфликт между Папой и Императором, факт коронации Папой говорил об авторитете папства. Само папство от данного «союза» стремилось получить защиту от итальянских феодалов, что, с учётом реального ослабления итальянских государств, было достигнуто. В дальнейшем Папство окончательно обрело политическую субъектность вступив в борьбу с Императором за право инвеституры – возмож-

ность назначения епископов. Имперская власть ровно, как и Церковь, желала самостоятельно определять епископов, соответственно, сохраняя контроль политический и, что немаловажно, контроль экономический над землёй данных епископств. Наднациональность власти Папы не давала светским властителям самовольно решать вопросы церковного права в своих государствах, так как Католическая Церковь, подчинённая из единого центра и имевшая огромное духовно-политическое значение

Вышеперечисленные факты позволяют судить о том, что власть Папы была наднациональной, можно сказать, «глобалистской» в рамках средневековой Европы, что, с одной стороны, позволяло папству сохранять свою власть в любых условиях, не сливаясь с каким-либо государством, а с другой стороны, создало идеиную и метафизическую основу европейского глобализма, формированию идеи общеевропейской «ойкумены», неограниченной границами отдельного государства. Так, ощущение христианского единства стало предпосылкой идеи западной философии о метафизическом ограничении государства определённой внешней силой, в роли которой в Средние века выступала Церковь и идеи Божественного права, а уже в Новое время её место заняли идеи прав человека, ставшие новым ограничителем государственной власти и предвестником глобализма – уже новейшей формы ограничения государства. Обобщая, можно прийти к выводу, что именно «транснациональная власть» Папы Римского стала ограничителем государственной власти, позволившим сложиться единой европейской цивилизации как социальному пространству, в котором государство лишь выступает одним из многих социальных институтов, «не заслоняя собой» всё жизненное пространство.

Однако, в православном мире подобная система не сложилась, причиной чему явилась иная форма организации взаимодействия власти и Церкви. Если на Западе Папство обладало политico-территориальным суверенитетом (Папская область), что делало его независимым от светских сузеренов, то в православных государствах, прежде всего в Византии, Церковь всегда рассматривалась как часть единой системы управления, неразрывно связанная с конкретным государством. Кроме этого, отличием Католичества от Православия являлась организационная структура Католической Церкви: эта организация всегда была жёстко централизованной, с наличием единого центра – Папы, что снижало возможности суверенной власти по влиянию на церковных иерархов. Православная Церковь исторически

была децентрализована – Вселенский Патриарх обладал лишь символической властью над автокефальными церквями, что приводило к ослаблению национальных церквей, к невозможности эффективного сопротивлению деспотизму местных правительств. В этом был драматизм православия: будучи более демократичной организацией, нежели Католическая Церковь, Вселенская Православная Церковь не могла создать действенные инструменты обуздания диктата светской власти [2]. Такая ситуация привела к развитию так называемого цезаропапизма – системы подчинения Церкви государству, что выражалось во влиянии администрации на назначение и отстранение от полномочий церковных иерархов вплоть до патриархов, прямого управления над принятием решений, определения политики Церкви (что в отдельные периоды доходило до навязывания властью богословско-теологических концепций). Ядром цезаропапизма, безусловно, являлась Византийская Империя, сохранившая мощь государственного аппарата и имевшая в своём распоряжении инструменты давления. История цезаропапизма началась почти с начала существования Восточной Римской Империи. Так, ещё в период Юстиниана государство оказывало влияние на Православную Церковь, на принимаемые ею доктрины и решения. Ярчайшими историческими примерами вмешательства государства в дела Церкви была политика иконоборчества, начавшаяся в период правления Исаврийской династии, привела к огромному ущербу для православных храмов, затормозило развитие иконописи и искусства в целом. Желая укрепить собственную власть и улучшить отношения с арабами, которые считали иконы формой идолопоклонства, Базилевс Лев III запретил почитание икон, что привело к ослаблению политического и экономического положения Православной Церкви. Так, начались репрессии против монахов, что снизило роль монастырей в общественной жизни. Императорская власть грубо вмешивалась в церковную жизнь: по протекции Льва III на престол Вселенского Патриарха был возведён иконоборец Анастасий, проводивший политику в русле воззрений Базилевса. Интересен тот факт, что эпоха иконоборчества закончилась также, как и начиналась – путём прямого вмешательства государственной власти. Императрица Феодора, придерживавшаяся иконопочитания, содействовала снятию с Патриаршего престола Патриарха-иконоборца и установлению власти иконопочитателя с последующими репрессиями сторонников иконоборчества [3]. Данные события являются наглядным примером политики цезаропапизма – вмешательства государства в церковные

дела, что доходило до определения властью аспектов самого учения Церкви. Причиной этого, кроме вышеперечисленных суждений, являлась монополизация Византийской Империей православного пространства (формально Церкви были едины до 1054 года, однако, де-факто, политически и духовно уже произошло разделение), из-за чего Вселенский Патриархат срочно с Императорской властью – Патриарху просто не на что было опереться, вся политическая власть была сосредоточена в руках Базилевса, а иных политических центров православия просто не существовало.

Практика цезаропапизма, привнесённая на Русь из Византии, предопределило политico-правовую природу Российского Государства. В условиях объединения политической и духовной власти формировалось российское самодержавие. Не имея духовной оппозиции власть могла быть свободной в выборе проводимой политики, не опасаясь возможных последствий. В случаях попыток Церкви оспорить то или иное решение, Царская власть жёстко пресекала данные попытки – убийство Митрополита Филиппа в правление Ивана Грозного, опала Патриарха Никона Алексеем Михайловичем. Во всех случаях причиной, как уже указывалось, была духовная и политическая изоляция духовенства – в условиях отсутствия единого мощного центра Православной Церкви иерархи оставались один на один со всей мощью государственного аппарата. Но кроме этого, цезаропапизм проявлял себя в условиях раздробленности русских земель. К 15 веку, когда Русь была разделена между Великим Княжеством Литовским и Княжеством Московским, произошло и разделение Церкви: в Киеве духовную власть представлял Митрополит Киевский, в Москве – Митрополит Московский. Данное деление также было

продиктовано стремлением политической власти поставить под контроль духовную сферу, обеим государством было важно подчеркнуть свою легитимность через признание Митрополитом. Этот раскол предопределил религиозно-цивилизационное раздробление Руси, ликвидацию единого культурного и политического пространства.

Венцом российского цезаропапизма стал созданный Петром I Святейшего Правительствующего Синода. С момента его создания Православная Церковь юридически срослась с государственной властью. Церковь окончательно огосударствилась, став инструментом государственного управления. Это привело, с одной стороны, к «национализации» религии в России, что дало толчок к осознанию российским обществом своей самости, отличительности от остальных культур и цивилизаций, ощущению себя государством-цивилизацией. А с другой стороны, позволило сформировать отличительные свойства политico-правовой действительности России.

В итоге, нужно сказать, что отличия папоцезаризма и цезаропапизма определили и отличия цивилизационно-политического характера. В странах католического пространства итогом борьбы Церкви и государство стало, с одной стороны, формирование «глобалистского ядра» и механизмов ограничения власти, вылившихся в современный политический режим Западных Стран. В странах православных цезаропапизм образовал ситуацию «государств-цивилизаций», ярким примером чего может быть Россия – страны, видящей своё культурное пространство полноценным цивилизационным полем равным иным цивилизациям, что определяет политическую теологию Страны, её экзистенциальное самоопределение.

Список литературы:

- [1] Алонцева Д. В. Церковь и государство: современные интерпретации // История государства и права. — 2019. — № 3. — С. 57-67
- [2] Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. Т. 7. Кн. 1 : Публицистика 1862–1879 годов. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – 560 с
- [3] Миронова О. А. Основные исторические этапы развития взаимоотношений государства и православной церкви // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 8 (87).

References:

- [1] Alontseva D. V. Church and State: Modern Interpretations // History of State and Law. — 2019. — No. 3. — Pp. 57-67
- [2] Leontiev, K. N. Complete Works and Letters: In 12 Volumes. Vol. 7. Book 1: Publicism of 1862–1879. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2005. 560 p.
- [3] Mironova O. A. The Main Historical Stages of the Development of Relations between the State and the Orthodox Church // Eurasian Law Journal. — 2015. — No. 8 (87).

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-70-73

*ЕРМАКОВА Алина Дмитриевна,
магистрант Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: amashininaalina@gmail.com*

*Научный руководитель:
КАРАНТЬШ Галина Владимировна,
доктор биологических наук., доцент
Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: gvkarantysh@sfedu.ru*

ТЕХНОЛОГИЯ СИНКВЕЙН КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ТНР

Аннотация. Статья посвящена проблеме речевого развития детей старшего дошкольного возраста, которые имеют тяжелые нарушения речи. Рассмотрены причины появления речевых нарушений и особенности развития связной речи у данной категории детей. Описаны подходы к коррекционно-логопедической работе с использованием технологии синквейн.

Ключевые слова: речевое развитие, тяжелое нарушение речи, дошкольный возраст, связная речь, технология синквейн.

ERMAKOVA Alina Dmitrievna,

master's student

*Academy of Psychology and Pedagogy,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Academic supervisor:

KARANTYSH Galina Vladimirovna,

Biology Doctor (habil.)

*Academy of Psychology and Pedagogy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

CINQUAIN TECHNOLOGY AS A MEANS OF FORMING COHERENT SPEECH IN OLDER PRESCHOOLERS WITH TNR

Annotation. The article is devoted to the problem of speech development of older preschool children who have severe speech disorders. The reasons for the appearance of speech disorders and the peculiarities of the development of coherent speech in this category of children are considered. Approaches to correctional speech therapy work using the cinquain technology are described.

Key words: speech development, severe speech impairment, preschool age, coherent speech, cinquain technology.

Введение. Речь занимает одно из важнейших мест в нашей жизни. С использованием вербальных средств общения человек передает свои мысли, чувства, эмоции собеседнику. Наличие проблем с развитием речи негативно отражается на коммуникации. По данным И.Б. Карелиной [1] за последние 20 лет из 23963 обследованных детей в возрасте от 1,5 до 7 лет нормальное речевое развитие имели лишь треть. У остальных дошкольников присутствуют различные речевые нарушения, в том числе тяжелые нарушения речи (алалия, дизартрия и др.).

Ребенок с серьезными проблемами в развитии речи может испытывать трудности при адаптации в социальной среде из-за ограничений в коммуникации. Особенности речевого развития оказывают значительное воздействие на формирование индивидуальности ребенка, а также на психические процессы, которые могут усложняться под влиянием внешних факторов. По этой причине такие дети требуют специализированной логопедической коррекции.

В рамках исследования была поставлена задача изучить особенности развития связной речи у детей с тяжелыми речевыми нарушениями и внедрить в практику корреляционно-логопедической работы новейшую технологию под названием синквейн.

Изложение основного материала статьи. Дети с тяжелыми нарушениями речи – это особая категория детей с отклонениями в развитии, у которых сохранен слух, первично не нарушен интеллект, но есть значительные речевые дефекты, влияющие на становление психики.

К тяжелым нарушениям речи принято относить дизартрию, алалию, афазию, общее недоразвитие речи (1 и 2 уровни речевого развития), заикание, ринолалию и др. [2].

У детей с ТНР учебная информация усваивается очень медленно из-за чего снижена продуктивность образовательного процесса, встречаются сложности в установлении связей между зрительным, слуховым и речевым анализаторами, произвольная деятельность страдает, так как уровень мотивации и самоконтроля низкий. Наблюдаются также недоразвитие когнитивных процессов, в большей степени это касается осознанности и произвольности; внимание неустойчиво, возникают трудности с переключением и распределением внимания, а также нарушения памяти. Специальные психолого-педагогические исследования подтверждают наличие у таких детей отклонений в пространственной ориентации, конструктивной деятельности, а также нарушений мелкой моторики, слухово-моторной и зрительно-моторной

координации.

Наблюдения за устной речью детей с тяжелыми нарушениями речи показывают, что они сталкиваются с серьезными трудностями: у них ограниченный активный словарь, возникают сложности в построении грамматически верных и осмысливаемых предложений. Помимо этого, им не хватает навыков для создания логически последовательных и связных высказываний, а их произношение часто бывает невнятным, затрудняющим понимание. В некоторых случаях у этой группы детей может наблюдаться полный речевой дефицит.

Высказывания детей с тяжелыми нарушениями речи отличаются отсутствием последовательности изложения и четкости, фрагментарностью, поверхностностью повествования, отсутствием развернутых смысловых фраз. У детей с ТНР задерживается формирование языковых средств, что приводит к отставанию в формировании коммуникативной и обобщающей функций речи [3].

Выделяют две группы причин появления таких нарушений у детей.

В первую категорию входят биологические причины, например, незначительные повреждения центральной нервной системы, которые могут нарушить регуляцию слухового восприятия, речевую моторику и ВПФ у детей. Данные отклонения могут возникать из-за токсикоза, вредных привычек матери (курение, алкоголь) во время беременности, родовых травм, в том числе черепно-мозговых, а также болезней, перенесенных в младенчестве и т.д.

Также особую роль в развитии речи ребёнка играют социальные факторы. К ним относятся отрицательные языковые влияния в семье: постоянное напряжение, стрессы, недостаток эмоциональной связи с родителями и педагогическая запущенность могут вызвать речевые нарушения. Эти факторы негативно влияют на становление речи и психологическое развитие ребенка. К причинам речевых нарушений также относят многоголосие в семье, недостаток верbalного общения, если в семье глухонемые родители, а также искажённая речь взрослых [4].

Для того, чтобы сформировать у детей с ТНР связную речь, мы предлагаем использовать в логопедической практике такую новую технологию, как дидактический синквейн. Данная технология ранее применялась в логопедической практике в основном только для детей с ОНР.

Преимущества данной технологии делают её актуальной и целесообразной:

- она гармонично интегрируется в существующие методики речевой коррекции, делая их более полными;

- стимулирует более глубокое усвоение лексики и понятий, а также их активное применение;
- оказывает всестороннее положительное воздействие, способствуя развитию речи и таких когнитивных процессов, как память, внимание и мышление;
- даёт ребёнку возможность проявить себя как активного и креативного участника образовательного процесса.

Синквейн представляет собой пятистрочную композицию, структура которой регламентирована следующими правилами:

- первая строка представляет собой одно существительное, обозначающее главную тему;
- далее следует два прилагательных, раскрывающих ключевые характеристики этой темы;
- третья строка состоит из трёх глаголов, описывающих действия, связанные с темой;
- четвёртая строка – это словосочетание или короткое предложение, выражающее личное отношение к теме;
- завершает синквейн одно слово-существительное, синонимичное первой строке и заключающее в себе главную идею.

Процесс освоения синквейна включает в себя ряд ключевых шагов. На начальном этапе ребёнок углубляется в совершенствование словаря, улучшает его качество и разнообразие, изучая понятия «предмет», «признак предмета», «действие предмета», а также учится различать объекты одушевлённой и неодушевлённой категорий. Важным шагом является развитие умения задавать вопросы к словам (о предметах, их действиях и свойствах) и их графическое представление.

На следующем этапе, когда дети понимают значения слов, связанных с предметами и их действиями (грамматические категории), они переходят к изучению структуры предложения. Учатся строить простые, грамматически правильные предложения, объединяя слова, обозначающие предметы и действия. Этот процесс закладывает основы понимания логики построения предложений.

Основная часть обучения синквейна – это непосредственное освоение методики составления пятистрочной композиции. Форма работы может быть индивидуальной либо коллективной. Согласно методическим рекомендациям, обучение следует начинать с работы в малых группах (парах или тройках), а затем переходить к самостоятельной творческой деятельности. Для детей, владеющих навыками письма, предусмотрено работа с синквейнами на бумаге, в то время как для остальных – устное составление или использование специальных символов [5].

Ещё одной важной частью работы с синквейном является его прочтение. Естественное желание ребёнка поделиться своим творчеством с окружающими будет способствовать развитию его выразительной речи.

По мере освоения базовых техник, дети переходят к усложнённым формам работы с синквейном, направленным на развитие творческого потенциала и когнитивных функций. К ним относятся создание рассказа на основе готового синквейна, написание синквейна по прослушанному рассказу, редактирование и усовершенствование существующих синквейнов. Также эффективен метод восстановления утерянной темы (первой строки) синквейна, основанный на анализе его содержания.

Синквейн успешно применяется в логопедии для детей с ОНР, где он воспринимается как форма игры и творческого саморыражения, способствующая развитию аналитических, синтетических и рефлексивных способностей. Логопедическая практика показывает, что данный метод позволяет гармонично интегрировать информационный, личностно-ориентированный и деятельностный подходы в обучении, что критически важно при работе с детьми, нуждающимися в особом педагогическом подходе [6].

Использование дидактического синквейна позволяет создавать вариативные задания, тем самым обеспечивая индивидуальный образовательный маршрут для каждого ребёнка с ТНР. Эта технология гибко подстраивается под каждого ребёнка, способствуя его развитию.

Выводы. В заключение хочется отметить, что дидактический синквейн оказывается весьма полезным инструментом для логопедов, работающих с детьми, имеющими ТНР. Его преимущества заключаются в следующем:

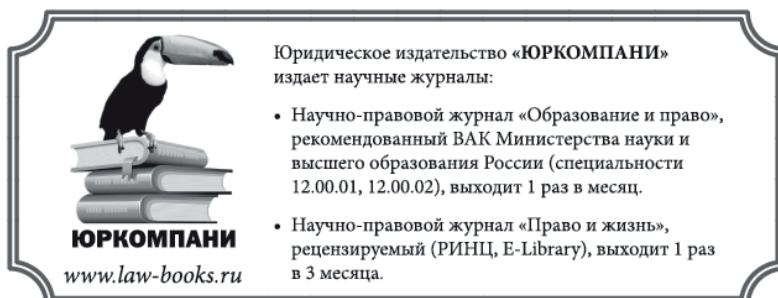
- Эффективность: он показал высокую результативность в развитии связной речи у детей с ОНР.
- Интеграция: синквейн органично дополняет существующие методики, открывая новые формы взаимодействия.
- Комплексность: воздействие технологии распространяется не только на речь, но и на высшие психические функции (память, внимание, мышление), а также на устную и письменную связность, интонационную сторону речи.
- Творчество: является неиссякаемым источником для развития творческих способностей детей.
- Логичность: не нарушает общую систему коррекции речевых патологий, а обеспечивает её логическую завершённость.

Список литературы:

- [1] Кarelina I.B. «Комплексная абилитация неговорящих детей раннего возраста»: – Монография. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2017. – 156 с.
- [2] Кarelina I.B. Дифференциальная диагностика задержек речевого развития различного генеза [Текст] / И.Б. Кarelina // Логопедия XXI века. Традиции и новации. Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием. РГГУ им. А.И. Герцена. – СПб. – ЦДК проф. Л.Б. Баряевой 2012.
- [3] Акименко, В.М. Новые педагогические технологии: учеб-метод. пособие / В.М. Акименко. – Ростов н/Д., 2008.
- [4] Рубинштейн, С.Л. Развитие связной речи. // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста. [Текст] / Сост. М.М. Алексеева, В.И. Яшина. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 560 с.
- [5] Акименко, В.М. Развивающие технологии в логопедии / В.М. Акименко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2011.
- [6] Разумова, Л. И. Коррекция нарушений речи у дошкольников [Текст] / под ред. Л. С. Сековец. - М.:АРКТИ, 2007. - 248 с.

References:

- [1] Karelina, I.B. «Comprehensive Habilitation of Non-Speaking Young Children»: Monograph. - Novosibirsk: ANS «SibAK» Publishing House, 2017. - 156 p.
- [2] Karelina, I.B. Differential Diagnostics of Speech Development Delays of Various Origins [Text] / I.B. Karelina // Speech Therapy of the 21st Century. Traditions and Innovations. Collection of materials from a scientific and practical conference with international participation. Herzen Russian State University for the Humanities. - St. Petersburg. - Center for Children's Culture of Prof. L.B. Baryeva, 2012.
- [3] Akimenko, V.M. New Pedagogical Technologies: A Study Guide / V.M. Akimenko. - Rostov n / D., 2008.
- [4] Rubinstein, S.L. Development of Coherent Speech. // Reader on the Theory and Methods of Speech Development in Preschool Children. [Text] / Comp. M. M. Alekseeva, V. I. Yashina. - M.: Publishing Center «Academy», 1999. - 560 p.
- [5] Akimenko, V. M. Developmental Technologies in Speech Therapy / V. M. Akimenko. - Rostov n / D.: Phoenix, 2011.
- [6] Razumova, L. I. Correction of Speech Impairments in Preschoolers [Text] / edited by L. S. Sekovets. - M.: ARKTI, 2007. - 248 p.



ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.12.2025 г.

DOI: 10.24412/cl-37390-2025-4-74-76

АРДАВОВ Михаил Мухамединович,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
кандидат юридических наук
e-mail: info@law-books.ru

МАХОВА Анжелика Альбертовна,
магистр, направление уголовное право, криминология,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, Институт права,
экономики и финансов
e-mail: info@law-books.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО- КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ теоретических и правовых основ расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Исследуются криминалистические особенности преступной деятельности в данной отрасли, детерминированные спецификой её хозяйственного механизма. Особое внимание уделяется системной организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и экспертно-аналитическими структурами. Рассматриваются тактические особенности производства следственных действий и назначения судебных экспертиз с учетом отраслевой специфики. На основе анализа современной следственной практики формулируются перспективные направления совершенствования методики расследования хищений в жилищно-коммунальной сфере.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, хищения, расследование преступлений, криминалистическая характеристика, судебная экспертиза, следственные действия, взаимодействие следователя, теория доказывания.

ARDAVOV Mikhail Mukhamedovich,
Kabardino-Balkarian State
University named after Kh. M. Berbekov
Candidate of Law

MAKHOVA Anzhelika Albertovna,
Master's Degree, Criminal Law, Criminology,
Kabardino-Balkarian State
University named after Kh. M. Berbekov, Institute of Law,
Economics, and Finance

FORENSIC AND LEGAL ASPECTS OF INVESTIGATING THEFTS IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the theoretical and legal foundations of investigating thefts in the housing and utilities sector. It examines the forensic characteristics of criminal activity in this sector, determined by the specifics of its economic mechanism. Particular attention is paid to

the systematic organization of interactions between investigators, operational units, and expert-analytical structures. The article examines the tactical aspects of investigative actions and the assignment of forensic examinations, taking into account industry-specific features. Based on an analysis of current investigative practices, it formulates promising areas for improving the methodology for investigating thefts in the housing and utilities sector.

Key words: *Housing and communal services, theft, crime investigation, forensic characteristics, forensic examination, investigative actions, investigator interaction, theory of evidence.*

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой стратегически важный сектор экономики, характеризующийся значительными финансовыми потоками и высокой степенью криминализации [1]. Преступные посягательства в данной сфере наносят ущерб не только бюджетам различных уровней, но и непосредственно нарушают конституционные права граждан на благоприятную среду проживания. Сложность механизма совершения хищений, их многосубъектный характер и высокая латентность обуславливают необходимость разработки специализированных теоретических подходов к организации расследования.

Правовую основу противодействия хищениям в сфере ЖКХ составляют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие ответственность за преступления против собственности и в сфере экономической деятельности, а также положения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2]. Значительную роль в формировании государственной политики в области противодействия преступности в ЖКХ играют стратегические документы, такие как утвержденная Правительством РФ Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ, определяющая основные направления совершенствования отраслевого управления и контроля [3].

Криминалистическая характеристика хищений в жилищно-коммунальной сфере отличается значительным полиморфизмом способов их совершения. Наиболее распространенными являются схемы, связанные с нецелевым использованием бюджетных ассигнований, выделенных на капитальный ремонт и содержание жилищного фонда, искусственным завышением объемов и стоимости фактически выполненных работ, фиктивным выполнением работ и услуг, а также приобретением за государственный счет непригодного для эксплуатации имущества и материалов [4].

Многообразие способов совершения преступлений требует применения различных криминалистических методик расследования, включая методики расследования преступлений в сфере экономики и против государственной власти.

Теоретической основой эффективного расследования выступает системная организация взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, контролирующими органами и экспертно-аналитическими структурами [5]. Данное взаимодействие должно строиться на принципах инициативности, взаимопомощи, информационной безопасности и конфиденциальности.

Процессуальные формы взаимодействия реализуют-

ся через производство следственных действий с участием специалистов и оперативных работников, назначение судебных экспертиз, получение образцов для сравнительного исследования. К непроцессуальным формам относятся направление запросов в компетентные организации, проведение оперативно-тактических комбинаций и совместное планирование оперативно-розыскных мероприятий.

Тактические особенности производства следственных действий при расследовании хищений в сфере ЖКХ детерминированы спецификой предмета доказывания. При проведении допросов представителей управляющих компаний, подрядных организаций, должностных лиц органов местного самоуправления и потребителей услуг необходима предварительная дифференциация круга обстоятельств, подлежащих установлению у каждого категории допрашиваемых лиц [6].

Производство осмотров, следственных экспериментов и проверок показаний на месте требует обеспечения безопасности участников процесса, особенно при исследовании объектов, являющихся предметом имущественных споров или находящихся под контролем заинтересованных лиц.

Особое значение в системе доказывания по делам о хищениях в жилищно-коммунальной сфере приобретают судебные экспертизы, позволяющие установить фактическое состояние выполненных работ и их соответствие нормативным требованиям. Судебно-экономическая экспертиза направлена на анализ бухгалтерской документации, договоров, смет и актов выполненных работ с целью выявления признаков нецелевого использования средств и определения реальных объемов и стоимости работ.

Строительно-техническая экспертиза позволяет оценить качество выполненных ремонтных и строительных работ, их соответствие строительным нормам и правилам, а также установить объем и стоимость выявленных дефектов. Печерковедческая экспертиза решает задачи установления исполнителя рукописных текстов и подписей в финансово-отчетной документации, что имеет существенное значение для идентификации лиц, причастных к оформлению фиктивных документов.

Таким образом, теоретические и правовые основы расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляют собой комплексную систему, интегрирующую нормы материального и процессуального права, криминалистические рекомендации и специальные познания в области хозяйственного механизма функционирования отрасли.

Эффективность расследования напрямую зависит от способности следователя организовать профессиональное

взаимодействие с различными субъектами правоохранительной деятельности и адаптировать тактику производства следственных действий к особенностям конкретных способов совершения преступлений.

Перспективы развития теоретической базы связаны с

разработкой комплексных методик расследования, учитывающих экономическую и коррупционную составляющую хищений, а также с совершенствованием механизмов межведомственного информационного обмена.

Список литературы:

- [1] Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. – 2025. – № 06. – С. 9.
- [2] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 9 авг.
- [3] Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства на период до 2030 года с прогнозом на период до 2036 года: распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 45. – Ст. 7843.
- [4] Гельс Т.Ф. Расследование преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства: науч.-практическое пособие. – М.: Всерос. науч.-исслед. институт МВД России, 2015. – С. 34-45.
- [5] Организация следователем взаимодействия при расследовании хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник экономической безопасности. – 2018. – С. 230.
- [6] Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: практическое пособие / Е.В. Санькова, Е.Н. Сиделева. – М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. – С. 89-95.

References:

- [1] Features of the investigation of crimes committed in the sphere of housing and public utilities // Russian investigator. - 2025. - No. 06. - P. 9.
- [2] On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ // Rossiyskaya Gazeta. - 2001. - August 9.
- [3] On approval of the Strategy for the development of the construction industry and housing and public utilities for the period up to 2030 with a forecast for the period up to 2036: Order of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2022 No. 3268-r // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 45. - Art. 7843.
- [4] Gelyus T.F. Investigation of crimes committed in the sphere of housing and public utilities: a scientific and practical manual. – Moscow: All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – pp. 34-45.
- [5] Organization of interaction by an investigator during the investigation of thefts in the sphere of housing and public utilities // Bulletin of Economic Security. – 2018. – p. 230.
- [6] Issues of qualification and investigation of crimes in the sphere of housing and public utilities: a practical manual / E.V. Sankova, E.N. Sideleva. – Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, 2024. – pp. 89-95.

